

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

**ТОТ, КТО ХОДИТ
САМ ПО СЕБЕ**

Annotation

Уж кем-кем, а счастливчиком Петра Шишкина назвать нельзя. Хотя, казалось бы, успешный программист, есть квартира, машина, жена-красавица... Стоп. Жена, да, красавица... но вот совсем не умница, да еще и изменница! И ее 10 кошек, превратившие дом в туалет, — тоже гады еще те! Поэтому злился Петр совершенно заслуженно, но только поздно — летел он с балкона на авто соседа... Потом какой бог помог или подшутил — неизвестно. Очнулся наш Петя уже при четырех лапах и одном хвосте, да не под своим балконом, а в магическом мире! Полный «Мяу!», одним словом. И это только начало!

Евгений Щепетнов

Тот, кто ходит сам по себе

© Щепетнов Е.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

— Ненавижу тебя! Ненавижу твоих вонючих кошек!

Я демонстративно зажал нос, пошатываясь вышел на лоджию — на свежий воздух.

Да, семейная жизнь не сложилась! А все кошки! Ну почему она так маниакально любит кошек?! Откуда взялась эта патологическая любовь к четвероногим — орущим, вонючим созданиям?!

— Петь, ну давай поговорим, а? — Дверь со стуком хлопнула о стену, и Маша появилась во всем великолепии: она уже надела ночную рубашку, соблазнительно не скрывавшую ничего из того, чем природа щедро одарила мою жену двадцати лет от роду.

Два года мы женаты, и если бы я знал, чем это кончится... Чем? А тем, что я не хочу приходить домой, чтобы очередной раз вляпаться в кошачье дерьмо, деловито выложенное у входной двери! Кошки рыжие, кошки серые, кошки белые! И они еще и начали размножаться! Три кошки уже беременны!

— Не о чем говорить! — угрюмо бросил я, чувствуя, как под ночным сквозняком уходят остатки алкогольного дурмана. — Я подаю на развод! И пошла бы ты со своими кошками... в ту деревню, из которой приехала! Квартиру нам папа купил, так что претендовать на нее у тебя нет никакого права! Потому берешь своих кошек и валишь в свою Нижнюю Передреевку походным маршем в объятия любимых родителей! Поняла?! Я спрашиваю — поняла?!

Я перегнулся через перила и посмотрел туда, где маленькие машинки стояли стройными рядами. Ма-а-аленькие такие... с четырнадцатого этажа.

Среди них и моя красавица! Не такая уж и дорогая, но полтора ляма отдал! И замечу — на свои деньги куплена! Хороший программист — хорошо зарабатывает! И денег ему хватает! Если только их не вытягивает деревенская девушка, решившая задержаться в Москве любой ценой. Совсем любой.

И угораздило меня, идиота, в нее влюбиться! Ну какой я же был дурак! Мало того, что она шлюха (как выяснилось на днях), так еще и ненормальная! Ну скажите на милость, какая нормальная девушка заведет десять кошек и котов, тут же бурно принявшихся размножаться?! Какая нормальная женщина превратит свой дом в площадку для выгула вонючих животных, так и норовящих почему-то надуть мне в итальянские туфли стоимостью в двести баксов?!

О-о-о-о... это ощущение лужи в прекрасном ботинке! Этот запах! Эта кучка, на которой я поскользнулся и проехался по полу, как по льду общественного катка!

Это и было последней каплей. Все, хватит! Маша с кошками — в Нижний Пердимонюкль, или как там называется ее занюханная «малая родина», а я остаюсь в чистой квартире, свободно вожу нормальных телок, которых выпинаваю утром с чувством полного морального удовлетворения!

Пришлось выжрать больше полбутылки виски, чтобы решиться сообщить дражайшей супруге пренеприятнейшую новость — мы расстаемся! Теперь еще не поддаться бы на ее ласки... тело у нее и правда классное! К нему еще бы совести и мозгов — цены не было бы девице! Впрочем — давно уже не девице. Лет с двенадцати, судя по всему. Ох, я и дура-а-ак...

— Петя, милый...

Упругая грудь третьего размера прижалась к моей спине, напрягшиеся от холода соски благоверной чуть не проткнули дырки в моих не очень вялых программистских мышцах

спины, и я почувствовал... нет, не возбуждение! Мне вдруг очень захотелось извергнуть из себя проклятый виски, и я перегнулся через перила, сквозь дурноту прикидывая, — попаду ли струей пакости на автомобиль соседа Володьки (новенький, начищенный, только вчера купил!). А еще — сумеет ли Володька определить, что пакость, покрывшая его «БМВ» ровным слоем, суть часть меня, не прижившаяся в многострадальном, отравленном кошками организме?

Мой математический мозг вне моего сознания активно вычислял траекторию полета полупереваренного вискаря вкупе с белорусской колбасой, съеденной на ужин, и был уже так близок к разгадке тайны земного тяготения, когда в расчеты вкралась ошибка, возникшая из-за некоего неопределенного фактора, — я сменил мое положение в системе координат.

Лететь вниз с четырнадцатого этажа не так уж и долго, но этих секунд вполне хватило, чтобы назвать Машку матерным словом, удивиться, насколько сильны могут быть руки деревенской девушки ста семидесяти семи сантиметров роста (без шпилек, заметьте!), а еще — уже в последнюю секунду — подумать о том, что моя любимая (ранее любимая!) супруга, как оказалось, не так уж глупа. Умеет решать проблемы радикально, безжалостно перезагрузив систему компьютера под названием «жизнь».

В какую-то долю секунды я успел испытать странное чувство, похожее на удовлетворение от того, что сейчас погружусь в крышу Володькиного джипа. Это чувство, вероятно, было сродни тому, с которым китаец, желавший насолить соседу, вешался у него на воротах. Володька этого заслуживал, ведь именно он время от времени пользовал мою блудливую женушку — раскрыли глаза добрые люди, раскрыли! От глаз соседей ничего не скроется, особенно другой сосед, выбегающий из дверей квартиры, где проживает неработающая, скучающая молодая жена одного тупоголового программиста!

Удара я не почувствовал. Просто отключился, будто кто-то погасил свет.

Я никогда не верил в потустороннюю жизнь, в богов и в Бога и во все, связанное с мистикой и религией.

Мистика? Магия? Колдовство? Это только в онлайн-играх, в которые я уже давно не играю. Видимо, перерос. Или постарел? Двадцать пять лет — старость? А может, мудрость? За то время, что я был женат на Машке, сделался невероятно мудрым и старым. Только поздно.

* * *

Как ни странно — когда я открыл глаза, чувствовал себя великолепно! Ничего не болело, и это после падения с четырнадцатого этажа?! Как так?!

Руки-ноги не болели. Не болела даже левая нога, которую подвернул вчера, спускаясь по лестнице офиса. Заболтался с Аленкой из турагентства «Супервож» и едва не загремел по ступенькам, в последний момент чудом уцепившись за отполированные тысячами рук перила лестничного пролета. Больно было просто ужасно. До слез.

Посмотрел на ногу, зажмурился... снова посмотрел. Нет, глюки не исчезли!

Что, меня накололи наркотой?! Чтобы не было боли?! И потому мне видится всякая хрень?

Посмотрел на руку — да, у меня не в порядке с головой, совсем не в порядке!

Выпустил когти, потянулся и... подскочил на месте с таким отчаянным криком, что

меня, должно быть, услышали за километр в округе!

КОГТИ! Откуда у меня когти, шерсть, и... четыре лапы?!

Я едва не потерял сознание. В глазах помутилось, в ушах зазвенело, меня затошнило и вырвало, прямо на каменный пол, на котором я лежал.

И тут же неведомая сила подняла меня, взметнула в воздух и так двинула о стену, что тошнота тут же улетучилась, оставив боль и ужас! Громовой голос что-то прокричал вслед, но я уже улепетывал со всей скоростью своих когтистых лап, спасаясь от сапога гиганта!

Да, да — это был сапог, кожаный, резко пахнувший какой-то мазью, коричневый, с начищенной желтой пряжкой — ну просто-таки с картинки о Средневековье!

Это не укладывалось в голове, но инстинкт говорил: *«Ты успеешь обдумать все потом. А пока — беги, беги что есть силы! Иначе погибнешь!»*

И я бежал. Бежал, пока не оказался в глухой каморке, заставленной какими-то ящиками, деревянными лопатами, заваленной мерзко пахнущей рваниной. Кладовка? Да какая разница? Главное — укромное место, в котором можно безопасно обдумать происходящее!

Тяжело дыша, я забрался на кучу мешков, от которых удушливо пахло мышами, улегся и стал сосредоточенно думать свою думу: как я тут оказался и ЧЕМ я тут оказался! Думать было трудно, мешали голод и жажда, набросившиеся на меня с такой силой, что я едва не завопил во весь голос, но минут через пять все-таки совладал со своими инстинктами и заставил себя подумать.

Итак, что я помню? То, как свалился с лоджии. И в этом мне помогла любимая супруга, радикально решившая проблему с проживанием в моей квартире (я едва не застонал от тоски и ярости!). Теперь, когда мной были обозначены рамки решения проблемы, можно было перейти и к самой проблеме: я зверь. Какой зверь — не знаю! Но скорее всего зверь маленький, трусливый, которого можно безнаказанно пнуть ногой. Я не собака, это точно — лапы не те. Значит — кто я?

О-о-о... нет!!! Только не это!!!

Сдохнуть, чтобы вселиться в тело кота?! Который и живет-то максимум лет пятнадцать, и то, если не попадет под такси какого-нибудь Джамшуда! Ну и где справедливость?!

Нет, я понимаю, что реинкарнировался, что моя душа переселилась в тело зачуханного кота, что должен испытать до дна то, что мне предназначено за мои прегрешения, но какого черта, а?! С какой стати-то?! Какие, к дьяволу, прегрешения?! Ну какие у меня могут быть прегрешения?!

Интрижки на стороне? Да я ими особо и не увлекался! Ну так... было, да, так если всех мужиков за это переселять в плешивых котов — где на всех котов набраться?!

Вот же сцука! Моя женушка! Сколько котов она собрала? И кошек! Как знала! Интересно, я не в одном из ее котов? О господи... Как представлю, что хожу гадить к двери, а потом смотрю, как моя супруга предается извращенной любви со своим новым хахалем (обязательно извращенной — в этом деле она большой спец!) — тьфу!

Нет, я сейчас вообще не в своей квартире, это точно. Огромное здание, длинный коридор — успел рассмотреть, пока бежал от Сапога. Кстати, те слова, что тот бросил мне вслед, были совершенно непонятны! Они были сказаны не по-русски!

Высоченные стены, каменный пол. Запах съестного откуда-то издалека — тянет сквозняком, и нос волей-неволей ловит вкусные запахи. От этих запахов просто-таки мутит, в животе бурчит, и ноги сами собой подбрасывают тело вверх.

Бежать! Найти еду! Еда! Еда! Есть! Скорее! Еды!

И я снова бегу по коридору — теперь уже на запах, а не от испуга. Мягкие лапы несут меня вперед так, что стены сливаются в одну серо-бежевую полосу.

Я никогда не был хорошим бегуном, мой самый сильный орган, это... нет, ТОТ орган тоже сильный, я — самец! Половой гигант, да! Как и все настоящие мужчины. Но все-таки самый сильный, главный орган у меня — это мозг. Именно он позволял мне вполне безбедно жить — покупать хорошие машины, путешествовать по миру. У меня было все, чего напрочь лишены коты...

Кот! Я — кот?! Ну, «Жемчужина в цветке лотоса», удружил ты мне! Вот это ты мне реинкарнацию подсунил, мерзавец! Пропади пропадом ваша чертова реинкарнация! Кармы-мармы всякие!

Стоп. Нет, ругать богов нельзя — я хоть и не истово верующий, но всегда знал, что в этом мире не все так просто. Любой, кто имеет дело с механизмами, особенно с компьютерными, знает, что работа «железа» — дело мистическое и повинуетя железяка только воле богов и демонов. И чаще все-таки демонов.

Я с ходу, галопом влетел в огромное помещение, в котором расхаживали не меньше десятка людей, и, чтобы не врезаться в голые ноги здоровенной бабищи, затормозил всеми четырьмя лапами.

Впрочем — безуспешно. Я все-таки врезался в нее, да так, что этот ходячий авианосец пошатнулся и со всей своей необъятной мощью обрушился на пол, потянув за собой огромный поднос с наваленным на нем вареным мясом. Мясо было еще горячим, парило, и когда оно накрыло бабищу, та заревела таким страшным, громким голосом, что у меня на миг заложило уши.

И тогда началось невообразимое — откуда-то выскочили еще не менее полутора десятка кошек, они стали хватать упавшее мясо, за кошками гнались шгук пять собак, заливавшихся оглушительным лаем, за собаками и кошками погнались кухонные люди, вооруженные чем попало, от ножей до скалок. И вся эта толпа орала, лаяла, визжала, мяукала, урчала. На крики сбежались еще люди, и как я вырвался из этой кутерьмы — до сих пор сам не могу понять. Но только скоро я уже несся по коридору туда, откуда прибежал раньше, держа в зубах здоровенный кусман восхитительного, остро пахнущего, вкусного мяса.

За мной пытались гнаться — я слышал топот здоровенных ног, слышал ругань на неизвестном мне языке, слышал лай, перестук собачьих лап, но не оглядываясь мчался туда, куда вел меня инстинкт, радуясь, что Будда дал мне здоровое кошачье тело, а не тело какой-нибудь чумной крысы в последней стадии мерзкой болезни. Спасибо тебе, Будда! За то, что не совсем утопил меня в выгребной яме, а дал слегка подышать! Но все равно — ты... ты... не скажу! Но подумаю.

Покой я обрел только минут через пятнадцать, взбежав по деревянному столбу на крышу какого-то здания, стоявшего во дворе. Как оказалось, это были склады, где хранилось множество в высшей степени полезных вещей. Каких? Это я узнал потом. Позже.

Сухой чердак великолепно подходил для того, чтобы скрыться от преследования и насладиться вкусом вареного мяса. Я вгрызался в жилистую говядину (а это была именно она) и тихо мурчал от удовольствия — даже не припомню, когда это я получал такое удовлетворение от простой говядины, без всяких там приправ и соусов. Чтобы оценить вкус еды, нужно как следует проголодаться, — эту чеканную истину нужно знать каждому, кто ковыряется в тарелке, соорудив кислую морду: *«Ф-ф-ф-ф-у-у-у... я это не ем! А что, больше ничего нет?!»*

Кусок был довольно большим, весь его я не съел, потому пришлось спрятать остатки мяса наверх, под крышу, выбрав балку почище, не загаженную проклятыми птицами. Пригодится. Не каждый раз удастся удачный набег на кухню!

Кстати, тут же пришло в голову, что выглядят эти птички, похожие на голубей и загадившие весь чердак, вполне аппетитно, и если забыть, что я когда-то был человеком, вполне можно позавтракать, пообедать или поужинать одной из бормочущих на птичьем языке серых клювастых тварей.

Поел, а попить? Где взять питье? Не на чердаке, точно. И не из лужи — я что, животное, пить из лужи, в которую кто-то плюнул? Или того хуже...

И тут же с тоской подумал — ну а кто же я тогда? Уж не человек, это точно! Уже не человек. Но и не животное! И не оборотень... наверное. Оборотни ведь превращаются в людей... могут превращаться.

Хм-м... а вдруг? А может, я умею? Что там делают оборотни, чтобы превратиться? Крибле-крабле-бумс? Или — ...твою мать?!

О Будда... ну что ты со мной сотворил! Или не Будда?

Впервые пожалел, что мало времени уделял изучению религий — вдруг бы помогло?

Придя к выводу, что ни один из богов не нальет мне никакой животворящей жидкости, даже гадостной кока-колы, коей чистят столовое серебро (слышал о таком изумительном факте), я отправился во двор на поиски источника воды. Хотя бы воды — на большее я само собой не рассчитывал.

Жуткое ощущение. «Гулливер в стране великанов» — вот что это такое. Все громадное, такое, что голова идет кругом. Огромные ноги так и норовят на тебя наступить, здоровенные железные колеса скрежещут по мостовой, проносясь мимо, обещая превратить в комок раздавленной плоти! Если бы не моя новообретенная скорость и ловкость — отправился бы сейчас на новую реинкарнацию!

Интересно — какую? В крысу? В мышь? А может, в паразита, сидящего на шелудивой собаке? Той, что сейчас с визгливым, мерзким лаем несется за мной, мечтая вцепиться в мой пушистый хвост?

Влетел в дом, пронесся между ногами-столбами, проскочил через большой зал, взобрался по стене, облицованной деревянными пластинами, и рыбкой проскочил в узкую отдушину наверху.

Сам удивился — так это ловко у меня получилось — ну просто цирк, да и только! Акробат! Впрочем — акробатам до меня так же далеко, как от Питера до Москвы ракам!

Но проблема была не решена, и я с раздражением и неприязнью смотрел на то, как мечется внизу толпа людей и собак, гавкая и вопя что-то нечленораздельное. Вот так суматоха! Неужели из-за меня?!

— Ты болван! — услышал я слова и в панике стал вертеть головой туда-сюда, разыскивая источник этого глумливо-злобного голоса. Никого, кроме черного, как «Майбах», кота, рядом не было. Кот смотрел на меня пристальным взглядом зеленых глаз и щурился, будто получал удовольствие от созерцания моей несчастной морды.

— Чего это — болван? — оскорбившись, спросил я. — А сам-то кто?!

— Я — не болван, — коротко ответил кот и, плюхнувшись набок, изогнулся буквой «С», нервно подергивая большим пушистым хвостом. Примерно таким же пушистым, как у меня, только другого цвета.

И тут я сообразил: кот — разговаривает?! КАК?! И еще интереснее — а как я ему

отвечаю?

— Деррек, ты всегда был идиотом! — так же ехидно сказал мой собеседник. — Ты зачем полез во двор среди дня?! Ты что, глупый дворовый кот?!

— Я есть хотел, — глупо ответил я, не найдя нужного ответа. — А сейчас еще и пить хочу. А что я должен делать? И не Деррек я никакой.

— А кто?! — Собеседник зевнул, обнажив белые, острые как шило клыки, и я невольно ощупал языком свои, по прикидкам не менее острые и опасные.

— Шишкин Петр Васильевич, интеллигент в пятом поколении! — не подумав, брякнул я и тут же прикусил язык.

— Кто?! — Кот одним текучим движением вскочил на ноги и фыркнул, широко раскрыв глаза. — Ты что, попался этим старым говнюкам?!

— Каким таким говнюкам? — не понял я и нервно забил хвостом по полу, поднимая облачко пыли. — Слушай, объясни, а? Я ничего тут не знаю! Ничего не пойму! Кто я, где я — расскажи, будь другом!

— Другом?! — фыркнул кот, выгнув спину и, медленно подходя ко мне, понюхал мне щеку. — Пахнешь ты как обычно, да. Но ты не мой брат. Он бы никогда не спросил, кто такие «старые говнюки»! Это его любимое определение этих тварей! Кто ты такой?! Зачем занял тело моего брата, отвечай, пока я тебе не перегрыз глотку!

Глаза черного кота стали огромными, сияющими, как луна, и я почувствовал, что меня куда-то уносит, куда-то далеко, вырывая из тела, как цветок из горшка! Нет, шалишь — хрен тебе! Шишкины не сдаются! Не вырвешь!

Я фыркнул и врезал чужаку лапой по морде — быстро, как завзятый кунфуист, так, что голова того мотнулась в сторону, будто мяч. Чужаку это явно не понравилось, и это я понял сразу, когда увидел его летящим по воздуху, будто им выстрелили из катапульти.

Мы сцепились, шипя, завывая, работая лапами, будто собирались заживо освежевать друг друга. Полетел пух, лапы двигались в автоматическом режиме, пытаюсь разодрать супостата, но когда мы разбежались в стороны, оказалось, что особых повреждений нет, — если не считать дыры на правом ухе моего противника. Когда я уже успел его покарать — и сам не заметил. Боестолкновение было таким скоротечным и не зависящим от разума, что я просто не успел уследить за своими движениями. Инстинкты, чистые, незамутненные разумом инстинкты!

— Может, хватит? — предложил я, следя за поведением зловредного «братца». — Я не хотел навредить твоему брату! Я очнулся в этом теле и сам не знаю, как сюда попал! Я человек...

— Старый говнюк! — фыркнул черный кот. — Вот ты кто! Вот как называет людей мой убитый тобой брат! Как ты пробрался в его тело, проклятый колдун?! Зачем?! Отпусти его, гадина!

— И рад бы, — с тоской вздохнул я, валясь на камень, выстилающий отдушины. — Думаешь, мне приятно ходить каким-то там блохастым котом, вместо того чтобы быть человеком! Говорю же — я сам не знаю, как тут оказался! Кстати, а как это ты разговариваешь? И как это я разговариваю?

— Этого только нам не хватало! — Черный кот вздохнул и потер лапой ухо, на котором выступила капелька темной крови. — Какой-то демон в теле нашего брата! Проклятые колдуны!

— Да чтоб ты сдох! — выругался я в сердцах. — Да объясни же, где я нахожусь, кто ты

такой и вообще — что здесь происходит!

— Жизнь происходит, — мрачно сообщил собеседник и, презрительно оскалившись в мою сторону, пошел прочь, в сумрак тоннеля воздуховода. Я постоял секунду, затем бросился за ним.

С минуту мы шли молча, потом черный кот резко остановился и зыркнул на меня яростно горящими глазами:

— Чего за мной тащишься? Пошел отсюда, демон поганый!

— Сам демон! — удивленно отпрянул я. — Демонов вообще-то не бывает! Или бывают? Да будь ты чело... хм-м... будь ты нормальным котом, объясни, что тут происходит, и вообще помоги. Чтоб у тебя хвост облез, если не поможешь!

— Будешь разбрасываться проклятиями — долго не проживешь. — Собеседник оскалился и недоверчиво помотал головой. — Ты такой дурак, что ли? Еще глупее моего братца?

— Вот что, черная твоя морда, — пока не поговорим, я от тебя не отстану! Буду ходить следом, буду преследовать тебя, где только можно! И где нельзя — тоже! Стой! Или нет — вначале отведи меня туда, где можно попить! Умираю от жажды! А потом расскажешь мне все!

— Пойдем! — Кот коротко вздохнул и вальяжно зашагал в один из боковых тоннелей, не глядя, успеваю ли я за ним. Успеть было несложно, он не торопился, но вообще-то такое отсутствие интереса к моей замечательной личности довольно-таки раздражало. Ну надо же! Я изничтожил его брата — если верить словам — вселился в евонное тело. Демон из преисподней — и совсем не интересен?! Это как так?! Порядочный демон уже бы его растерзал — если верить источникам информации, а точнее — Всемирной Помойке под названием Интернет. Я все знаю о поведении демонов, потому очень странно, что этот наглый котяра меня не боится!

Мы шли темными переходами, которые, как ни странно, тут же отпечатывались в моей памяти так, будто я здесь бывал уже не раз. А может, и бывал? Ведь информация обязательно хранится где-то у меня на «жестком диске» — в мозгу, надо только вытащить «файлы», и все будет нормально. Потому достаточно лишь повторить что-то один разок, и нужные воспоминания тут же всплывают, как в проруби... хм-м... ну — понятно!

Наш путь через тоннели закончился на чердаке, возле здорового бака, позеленевшего от времени. С него мерно капала вода, и на полу образовалась чистая лужица, возле которой в пыли виднелось множество следов кошачьих лап.

— Пей! — приказал черный кот и подал пример, лакая воду розовым язычком. Полакал и отошел в сторону, глядя, как я захлебываюсь чистой, с медным привкусом водой.

Напившись, я тоже отошел в сторону, и тогда черный кот мотнул головой:

— Пойдем, полежим на солнышке, и я тебе расскажу, что тут происходит.

Мы вылезли на крышу — плоскую, с огромной воронкой в центре, и черный кот с видимым удовольствием растянулся на солнцепеке. Я плюхнулся рядом, вытянув задние и передние лапы, и замер, прищурив глаза. Дул прохладный ветер, грели лучи ласкового солнца, и было так хорошо, что я на несколько секунд забыл, зачем тут оказался и кто я теперь такой. Вдруг представилось, что лежу где-то на морском пляже, а рядом красивая женщина... очень похожая на мою неверную и подлую супругу.

И тут же мои фантазии рассыпались в пыль, растоптанные жестокой реальностью. Я не на пляже, не с женщиной, и вообще — не человек, а не пойми что! Помесь кота и демона,

если верить новому знакомому.

— Ну, давай, рассказывай! — нетерпеливо потребовал я, хлопнув лапой по хвосту развалившегося рядом котяры. — Уснул, что ли?!

— Уснешь с тобой! — недовольно буркнул тот, отдергивая хвост. — Похоже, что кто-то меня проклял, наслав тебя в виде моего наказания. Был тупой братец, стал тупой демон! Вот за что мне эта кара?!

— К делу! — потребовал я, хлеща хвостом по камню крыши. — Хватит болтовни! Итак, что это за место?!

— Это университет! — коротко бросил собеседник. — Так его называют люди. Они же, как их называл мой ныне покойный братец, — «старые говнюки». Почему старые догадываешься?

— Живут долго, да? — проявил я свою мудрость.

— Точно. Живут долго. Потому старые. Ты не совсем дурак! — снисходительно то ли похвалил, то ли оскорбил собеседник. — В университете люди учатся колдовать, делают всякие опыты — в том числе и над живыми существами. Такими, как мы, например. Понимаешь?

— То есть режут котов, так? — невольно содрогнулся я, представив, как надо мной склонился мерзкий безжалостный вивисектор.

— Нет, не только режут. Хуже! Они колдуют над котами! — Черный кот злобно ощерился, зашипел, показав белые клыки. — Мерзкие заклинания, магические опыты, убийства! Вот что творят эти мерзкие колдуны! Они испытывают на нас отвратительные, убийственные заклятия! Чтобы потом применить их против своих соплеменников! Что может быть хуже этого?

— Хм-м...

Я хотел сказать, что хуже может быть многое — например ядерная боеголовка — но прикусил язык. Как я объясню обитателю здешнего мира, что такое ядерная ракета? Колдовство?

И тут до меня дошло — колдовство! Тут существует магия, как в каком-нибудь фэнтези! Как в онлайнной игре! Как... в общем, — магия существует!

— А как они колдуют? — жадно спросил я, мучительно, до боли мечтая сделаться колдуном, который кого-то там проклинает и мучает (всегда лучше быть мучителем, чем тем, кто мучается). — Что, слова какие-то говорят?

— Говорят, — повел глазами собеседник и снова прикрыл веки. — А еще — воняют дымом, постоянно чего-то толкут, мешают, жгут и просеивают. А потом оно горит, вспыхивает, а иногда кого-нибудь из них убивает. И поделом! Проклятые колдуны!

— А за что ты их так не любишь? — рассеянно поинтересовался я, пытаюсь переварить полученную информацию. Оказаться в мире, где существует магия, — это же здорово! Хм-м... если только забыть, что я тут в теле кота, и вообще — я помер! И меня сейчас скорее всего уже кромсают где-нибудь в морге, чтобы узнать, не приложила ли руку к моей безвременной кончине безутешная вдова. И, увы, — не узнают, как она ловко справилась со своим грязным делом. Найдут в крови критическое содержание алкоголя, женушка расскажет, какой я был пьяный и неуправляемый, как я перегнулся поблевать, и... Ее все будут жалеть, а потом кто-то пожелает утешить. И утешит, не сомневаюсь!

От этой мысли у меня внезапно испортилось настроение, да так, что известие о магии стало блеклым, выцветшим и неинтересным, как старая газета, найденная на чердаке старого

дома, — голубиные какашки, пыль и плесень, и ничего в ней нет практичного и хорошего.

Странно... вообще-то я сам не понимал своего спокойствия — почему не бьюсь в истерике, почему не рыдаю, не катаюсь в пароксизмах рыданий — я же умер! Мою душу — суть собрание файлов моей жизни — засунули в тело животного, которое и живет-то считанные годы! Это же трагедия! Плачь и рыдай!

Но не рыдалось. Тупое спокойствие и живой интерес к новому миру. Ну да, я же аналитик, программист, мой мозг привык решать проблемы спокойно и без истерик, раскладывая все по полочкам, но не до такой же степени? Это же безумие!

Тут я обнаружил, что за своими мыслями упустил нить рассказа собеседника, и попросил его повторить:

— Что, что?! Какие опыты?! Над кем?!

— Над нами, болван! Да что же ты такой тупой-то?! И братец был тупым, и демон в его теле обосновался совсем глупый! Повторяю — эти мерзавцы ловят наших и проводят над ними опыты: смотрят, как на нас действует заклинание, как мы умираем или лишаемся души. Наше племя образовалось именно так — родоначальник, великий Горак, получил разум в результате одного из опытов, а уже от него пошли все разумные коты. Часть котят такие же умные, как и мы, остальные — обычные тупые кошки. Ну и варианты, конечно, — есть полудурки вроде моего братца. Соображают, но не так, чтобы считаться разумными существами!

— Это и у людей так же, — вздохнул я. — Каждый второй полудурок. Мышь-то правильно подключить не могут, что же говорить о том, чтобы переустановить окна!

— Что? Какую мышь? — не понял собеседник. — Какие окна?

— Это я так... воспоминания, — осекся я и перевел разговор на другое. — Скажи, у вас какая-то организация? Правители есть? Как вы вообще живете?

— Какая еще организация? Мы свободные коты! Мы живем сами по себе!

Мне почудилось или у этого анархиста в ментальном голосе слышались нотки гордости?

— Свободные коты никому не подчиняются! — продолжил пафосно вещать собеседник. — Живем как хотим, и никто нам не указ!

— Как это вас еще не переловили, — бросил я в пустоту, размышляя о том, как важен правильный, умный лидер и как можно было бы побыстрее захватить власть в кошачьем мире.

— Мы умные! Мы сильные! Мы быстрые! Это только дураков ловят, а мы живем как хотим!

— Слышал уже, — невежливо перебил я. — Лучше расскажи, где вы еду берете. Про питье я уже знаю.

— Ну, во-первых, — мыши и крысы (я едва не фыркнул от отвращения!), нет ничего вкуснее тепленькой, попискивающей от ужаса мышки! И поиграешь с ней, и съешь — о, эта теплая, солоноватая, пряная плоть! Эти тонкие, хрустящие косточки! Во-вторых, нас подкармливают колдуны — в хранилище книг ставят специальные миски, в них кладут еду. И питье тоже. Но это опасный путь! Вот там и можно угодить в клетку колдуна — как мой братец! Я его ведь предупреждал — ты слишком часто туда ходишь! Ты попадешься! Ты недостаточно ловкий для того, чтобы сбежать! Ну вот и результат — теперь я разговариваю с демоном в его теле. Поздравляю, братец! Добился, идиот! Только вряд ли ты меня теперь слышишь...

— Покажешь, где эта библиотека?

— Хочешь на опыты попасть? Кстати, а чего за тобой так активно гнались? Что за переполох был?

— Да я в кухне кусок мяса упер, вот они и разбушевались...

— Ай-яй-яй! Ну, теперь тебя будут преследовать по всему Университету! Главная повариха злобная, как тысяча демонов, она не простит тебе этот кусок мяса! И память у нее — получше нашей! Теперь ходи да оглядывайся! Или палкой врежет, или кипятком обварит! А то и ножом рубанет — видел, какие у нее ножи? Нет? Еще увидишь. Похоже, что тело моего братца тебе сильно навредило. Глупое оно, точно! Пойдем, покажу тебе библиотеку. Ты хотя бы путь можешь запомнить? Или совсем дурак?

— Не совсем. Ты уже это спрашивал! — мрачно ответил я, разглядывая подушечки правой лапы и любуясь вылезающими из них острыми, как рыболовные крючки, когтями.

Странно. У меня было двойственное чувство — я знал, что воспринимать наличие у меня лап и когтей как норму — это очень даже странно, и при всем этом откуда-то точно знал, что все с моими лапами в порядке и я весь такой, каким и должен быть! Похоже, что у меня в голове активно шло объединение файлов. Две системы сливались, и что из этого выйдет — неизвестно! И очень интересно. С научной точки зрения. Память разумного кота и человека, соединенные в одну базу... м-да! Жаль, что я не биолог и не психолог, — написал бы научные труды, прославился на весь мир!

ТЬфу! Опять забыл, что я не человек, и вообще скорее всего не на Земле! Хотя... с чего я решил, что нахожусь не на Земле? Может, все-таки на Земле, но где-то в прошлом? Или наоборот — в будущем! Или вообще — это Земля, но не та, которая Земля, а совсем даже не Земля, а... Земля, которая...

ТЬфу! Запутался! Без поллитры тут никак не разобраться, точно!

— Ты чего плетешься нога за ногу? Быстро давай! — Черный кот сверкнул глазами в полутьме, фыркнул, оскалился и прибавил хода. Пришлось поторопиться и мне, чтобы не остаться в одиночестве в лабиринте воздухопроводов. Через минуту мы уже неслись ровными мощными скачками, будто волки, преследовавшие добычу. Удивительно, но я даже не запыхался, когда мы прибежали туда, куда собирались попасть! Спортсмен! Олимпиец! Кот...

— Стой! — Провожатый прижался к стене и медленно, осторожно выглянул за угол. — Ни шагу дальше! Иди сюда! Гляди! Вниз гляди!

Я глянул туда, куда он указал, и внизу, через отверстие воздуховода, увидел небольшую комнату, в которой вдоль стены располагались длинные корытца, похожие на поилки для лошадей из фильмов о Диком Западе. У корытцев толкались десятки кошек, они мурчали, шипели, фырчали и мяукали, как и все нормальные и ненормальные кошки.

Картина живо напомнила мне то, как моя супруга кормила свою компанию наглых засранцев, норовивших надуть мне в ботинки, — все было почти один в один, если не считать того, что у нас дома не было таких вот длинных корыт, да и кошки другие — наши помельче, уши покороче, а эти длинноухие, длинноногие, чем-то смахивающие на рысь. Вероятно, и я выгляжу так же — полосатый, серый, короткошерстный, — только хвост почему-то пушистый, будто приделан от кошки другой породы.

— Это что? Та самая кормушка, да? — глуповато спросил я, с жадным интересом разглядывая котов, кошек, кошечек и котят, чавкающих у корыт, как стадо свиней. — А где колдуны?

— Сейчас появятся! Следи, что сейчас будет! — многообещающе сообщил мой провожатый, и я улегся возле отверстия, пристально наблюдая за происходящим.

Ждать пришлось недолго. Минут через пять в дверях появился человек, одетый неброско: серые штаны, серая рубашка навыпуск, кожаные башмаки, мало чем отличающиеся от обуви «настоящего» мира, моего мира. От земных людей его отличала только прическа — длинная коса, в которую были вплетены цветные камешки, блестящие в лучах солнца, заглядывавшего в комнату через открытое окно.

Впрочем, где-нибудь в Китае и прическа не вызвала бы никаких вопросов. Наверное. Я не был в этом уверен, потому что судил о Китае и обо всем, что с ним связано, лишь по вещам, которыми трудолюбивые китайцы наводнили весь мир, да по фильмам-боевикам, в которых ловкий мастер боевых искусств искусно и с выдумкой поражал супостатов, частично побивая их именно косой, в которой (ну естественно!) был спрятан острый смертоносный клинок.

Задумавшись, я чуть не пропустил главное, но черный кот яростно прошипел: «*Смотри! Смотри!*» — я был застигнут врасплох, и только когда пара молодых кошек забултыхалась в сетке сачка, встрепенулся, вскочил и непроизвольно выпустил когти, будто готовясь к бою!

— Видал?! — Черный кот оскалился и коротко фыркнул. — Вот тебе и бесплатный обед! Вот тебе и бесплатное питье! Скоро они окажутся в клетке для опытов или того хуже. Чтоб ты знал: кошачьи органы входят в состав некоторых снадобий, потому эти мерзкие твари нас расчлениют, части тел сушат и толкут в порошок! Теперь понимаешь, почему мой братец называл их «старыми говнюками»?

— Я бы тоже так назвал! — с чувством выпалил я и ощутил, как мой собеседник подобрел:

— То-то же! И теперь думай, что лучше, — самому охотиться в книгохранилище, отлавливая мышей и крыс, или бегать за дармовой едой, чтобы рисковать оказаться на столе жестоких мерзких колдунов! Запомни, демон, в мире не бывает ничего бесплатного! За все нужно платить, иногда — своей жизнью!

— Это я уже давно знаю, — вздохнул я и с тоской вспомнил свою новую машинку, в салоне которой так сладко пахло кожей сидений, новым пластиком, всеми теми запахами, которые присущи новенькой, не засиженной чужими задами машине. Оказаться бы сейчас в ее салоне, включить музон и поехать куда-нибудь за город, да еще чтобы не было «пробок», в которых утопаешь, как муха в липкой смертельной ловушке.

Впрочем, черт с ними, с «пробками»! Пусть даже «пробка» на сутки, пусть на неделю, но только подальше отсюда, домой, туда, где моя жизнь, где на экране монитора очередной негодяй в Сети говорит неправильные вещи, и я обязательно должен растолковать идиоту, что его слова есть маразм и в мире одно мнение правильное — мое, и тех, кто меня поддерживает! Ах, беда, беда... хвостатая беда! Лохматая, пушистая беда!

— Куда ты?! — спохватился я, глядя, как мой собеседник тихо удаляется в лабиринты воздухопроводов. — Мы же не договорили! А как же я?!

— А что — ты? — искренне удивился черный кот. — Ты сам по себе, я сам по себе! И все мы сами по себе! Ни от кого не зависим, делаем что хотим, живем как можем! Я показал тебе кормушку. Хочешь — там ешь, хочешь — ищи себе пропитание сам. Чего еще от меня надо? Я тебе не обязан помогать или мешать! Живи, если можешь. А не можешь — подыхай! Понял? Мы, коты, высшая раса в этом мире, и живем, как хотим. Все! Отвали от меня!

— Подожди! Как тебя хоть звать-то?! — вскричал я в отчаянии, пытаюсь задержать

своего нового знакомого хоть на секунду, надеясь втянуть его в разговор. — Ты же не можешь вот так бросить меня!

— Или можешь... — закончил я, совсем упав духом. — Точно, можешь.

Коты... они такие коты! Это тебе не собаки, которые умрут за хозяина. Этим все пофигу, кроме жратвы, крыши над головой и потрапушек! То-то их моя женушка так любит... сама такая! Нет, я бы не сказал, что меня не интересует вкусная еда и секс, но... хм-м... не до такой же степени, чтобы забыть обо всем на свете ради куска обугленного на углях мяса и упругой женской задницы! Хм-м... м-да... а неплохо было бы сейчас и то и другое, да к своему человеческому телу в придачу...

Я развернулся и уныло побрел по темным тоннелям в ту сторону, куда исчез мой добровольный помощник, так коварно покинувший меня в самый интересный момент. Я так и не успел его расспросить обо всем, что меня интересовало, — например сколько тут разумных кошек и как они уживаются с кошками неразумными, откуда разумные коты набрались ума, то бишь информации, и вообще — как мне выжить в этом мире?

Все-таки люди — это социальные существа. Завелось несколько разумных людей — тут же какая-нибудь организация, типа профсоюз, племя или банда — как хошь назови. Помощь тебе, руководители, структура власти и всякое такое прочее, что присуще человеческому обществу. А здесь что? Разумные коты, которые ходят сами по себе! Ну прямо по Киплингу! Этим котам плевать на всех, кроме себя любимого, а если и помогают, то только ради своей прихоти, от скуки, чтобы отвязался назойливый собеседник. Да, гуманными этих самых котов назвать просто невозможно.

Итак, что делать, как жить? Или я ворую мясо с кухни, пока меня не пришибут, или жру из корытца вместе с потенциальными жертвами вивисекции и сам получаю шанс стать этой жертвой.

При мысли о возможности попасть под нож вивисектора у меня тут же заныли мои кошачьи причиндалы, и я нервно забил хвостом. Мало того, что оказался в кошачьем теле, так еще и оказаться в кастрированном теле — это был бы перебор! Впрочем, зачем они мне нужны, причиндалы те самые? Кого ими юзать? Кошек?! Ой-ей... мне только зоофилии не хватало! Секс с кошкой! Это только представить!

Представил, и вдруг эта мысль не показалась мне такой уж крамольной, и, осознав данный факт, я пришел в ужас — нет, до такого я докатиться не могу! Я человек, а не зверь, чтобы прыгать на какую-то там лохматую зверюгу... даже если у нее соблазнительный пушистый хвостик, белая шкурка и симпатичная мордочка... нет! Ой! Нет! Никакого секса со зверями!

Я помчался по воздуховодам, не разбирая дороги, будто собирался изгнать из своих мыслей дьявола, заставлявшего меня грезить о сексе с лохматыми «сородичами». И закончился этот мой безумный бег совершенно предсказуемо. Я бежал и, как следствие, со всего размаха проскочил в окошко воздуховода. Прежде чем я успел что-то сообразить, пролетел по воздуху метра четыре и приземлился на что-то теплое, упругое, завизжавшее, как полицейская сирена.

— И-и-и-и-и-и! А-а-а-а-а-а!

Я оттолкнулся всеми четырьмя лапами, прыгнул на стену, впиваясь когтями в гобелен, изображавший оленя на водопое (О вечный как мир — кич! О вкусы обывателей!), и уже со стены запрыгнул на шкаф, проделав все эти манипуляции совершенно автоматически, не думая, на одних инстинктах, как и положено коту. И только оказавшись в относительной

безопасности, запустил мыслительный процесс и начал глазами-радарами сканировать окружающее меня пространство. И что же я увидел?

Небольшая комната, в углу шкаф, на котором я устроил свой наблюдательный пункт, стол, со стоящим на нем фонарем вроде керосинового, два стула, тумбочка, на стене у стола — полки с книгами. Листы бумаги на столе, чернильница, перья в высоком деревянном стакане. На стуле аккуратно сложена одежда синего сукна, какие-то кружевные женские штучки, а у стены стоит сама хозяйка этих штучек — голенькая, как младенец!

Девушке на первый взгляд было не больше пятнадцати-шестнадцати лет, но это только на первый взгляд. Сколько ей на самом деле — знает только она сама, и уж точно не залетный «демон», реинкарнировавшийся в тело зачуханного кота, жертвы опытов изуверов-колдунов.

Красивая: черные волосы распущены, зеленые глаза как блюдца, сиськи торчат, как у каменной статуи, бедра, плоский животик — мечта, а не девица! И не трусливая — в руке ножик вполне приличного размера, и когда уже успела достать его, ниндзя фигова?! Хорошо, что я не раздумывая взлетел на шкаф, — пырнет еще, мерзавка, и тогда кастрация покажется неприятностью вроде простой занозы! Ножище она держала вполне уверенно, и это вместо того, чтобы прикрыть свой бесстыдный, гладко выбритый лобок! Ну никакого стыда! Интересно, они всегда тут спят голыми? Или это привычка только этой вот девицы? Хороша, чертовка! Губки пунцовые, покраснелась — и где мое человеческое тело?! Уж я бы с ней не потерялся, я бы уж...

М-да. Скорее всего — двадцать сантиметров стали в брюхо, вот что бы я получил. Нет уж, лучше на шкафу посижу! А ты хороша, распутница! Уж я бы тебя оприходовал!

— Мяу! М-м-мя-я-я-у-у-у! Мя! Мяу-у-у!

Оказывается, последние слова я прокричал вслух! И вместо членораздельной речи у меня само собой вышло бессмысленное «мяу». Хотя почему бессмысленное? Смысл-то как раз был, и я не виноват, если глупая девка меня не поняла! Я-то тут при чем?!

— Котик! Ох, а я напугалась! — сказала девица, и я ее понял! Точно, понял!

Вот это да! И когда это я научился разбирать слова здешних людей?! Понял! Файлы наконец-то объединились! Может, и не все, но те, что управляют «переводом» речи, — точно! Я понимал девушку!

— А я так напугалась! — продолжила та, бросая кинжал на стол. — Ты откуда взялся, красавчик? Ох, какой красавец! Полосатик! Большой какой! Иди ко мне! Ну! Да иди же, не бойся, глупенький!

Девушка шагнула ко мне, передумала и отправилась в угол, туда, где стоял высокий, в половину ее роста шкафчик (Холодильник?! Как?!). Открыла дверцу, и в воздухе резко запахло мясом. Только что я был сыт, и вдруг у меня потекли слюнки — проголодался! Вот я прожорливый кот, а?!

Красавица достала кусок в два ее кулака, отнесла к столу, отпилила ножом приличный ломоть и бросила его на пол:

— Иди поешь! Да не бойся ты, я не причиню тебе зла! Я люблю кошек! Вы такие гордые, как я! Ходите сами по себе, и никто вам не указ! Хотела бы я быть такой гордой и независимой!

— Да плевать мне на эту независимость! — крикнул я, забывшись, и снова у меня вышло: — Мяу! Мя-а-ау!

— Голодненький! — жалостливо пропела девушка и, подойдя к шкафу, протянула ко мне

руки. — Иди ко мне! Ну! Прыгай!

И я прыгнул. Кто из мужчин сможет отказаться прыгнуть к голой девичьей груди, прижаться к упругому молодому телу?

Запах молодого женского тела ударил в ноздри, а пахло от девушки очень хорошо — какими-то пряными притираниями, тонким запахом духов, здоровым женским потом, запах которого я бы и не учуял, если бы не мои звериные ноздри, ощущающие оттенки таких слабых запахов, которые человеку не учуять во веки веков. А может быть, все-таки и учуял бы, я всегда отличался хорошим нюхом. Женщины, пренебрегающие гигиеной, вызывали у меня стойкое отвращение даже в юности, когда кидаешься на все, что шевелится и что хотя бы отдаленно напоминает женское тело.

— Как вкусно котику! Какой хороший! Ку-у-ушай, полосатик!

Я, чавкая, жрал мясо, поглядывая вверх, на груди, которые торчали прямо над моей головой, и все это напоминало стриптиз-бар: голая девица, питание и рука, которая гладит мою спину. Не хватало только бодрой, жизнеутверждающей музыки и мелькания лучей из световых приборов.

Так-то я не особенно любил ходить в подобные заведения, но все-таки там бывал, и нередко — у нас в коллективе принято было отмечать вехи нашего жизненного пути именно в стриптиз-баре. Ну сложилось так исторически... чего уж греха таить.

Через пять минут я уже не мог есть. Обожрался до отвала. Сунул морду в чашку, которую моя «стриптизерша» поставила у стены, и долго лакал, наслаждаясь чистой холодной водой. А потом плюхнулся на пол, жадно глядя на то, как моя новая знакомая бродит по комнате, собирая женское барахло, равномерно распределенное по не очень прибранному «номеру»: платья, халаты, ночные рубашки и трусики с кружевами собрала в кучу, отобрала нужные тряпки, а потом наклонилась, повернувшись ко мне задом (я чуть не замурлыкал, вытаращив глаза, — вот это зрелище!), и вытащила из-под кровати красивые туфли-плетенки, что-то вроде босоножек со множеством ремешков. Затем девица отправилась в душ, было слышно, как она напевает, плескаясь под струями воды.

Я решил посмотреть за красоткой подольше (мало ли, что она задумала там, может, строит козни?) и сунул голову в приоткрытую дверь душевой комнаты, что было тут же замечено шустрой хозяйкой, — она бросилась ко мне, и едва я успел что-то сообразить, затащила меня под водяные струи, хихикая и держа меня мертвой хваткой своих маленьких, но цепких рук.

Я не стал сопротивляться. Ну как можно сопротивляться, когда тебя мылит и моет красивая женщина, мечта любого мужчины? Да и помыться на халяву — почему бы и нет?

Процедура закончилась сушкой полотенцем, расчесыванием, а затем — я был уложен в кровать, пахнущую женщиной, долго наблюдал за тем, как примеряются трусики, как натягивается платье, как чулки занимают свое место на прекрасных, полностью лишенных растительности ногах!

Интересно — вдруг пришла мысль — они бреют ноги или выводят волосы магией? Если есть магия, уверен — женщины давно поставили ее на службу своему женскому естеству! Я всегда придерживался того мнения, что вся цивилизация существует лишь для того, чтобы исполнять женские прихоти. Хотела женщина посмотреть дурацкое шоу по «ящику» — развили космонавтику, запустили телевизионные спутники.

Хотела кататься на ядовито-красной машинке, так вот тебе автомобильная промышленность!

И медицина — разве не для того, чтобы женщины убирали себе морщины, подтягивали лица и делали здоровенные сиськи? (Кстати, с чего большинство женщин думают, что их личная жизнь зависит только от сисек? Нормальный мужик не любит «арбузы» седьмого размера! Ему подавай небольшие, торчащие, чтобы блузку оттопыривали сосками и вызывали прилив мечтаний, а не колыхались при движении, как автобус, набитый гастарбайтерами!

Кстати, у моей благодетельницы сисяндры были прямо-таки в норме! Такие, как я люблю. Второй размер. Конусом. Соски крупные, коричневые. Да и вообще девица на удивление похожа на спортивную модель, а не на девку из проклятого Средневековья, когда отсутствие половины зубов считалось не редкостью, а самой настоящей нормой. И о гигиене девушка знала не понаслышке — опять же, в Средние века люди считали, что мыться суть колдовское деяние, и в мытого человека легче проникнут демоны, превращающие его в колдуна или ведьму. Помылся — и тут же сделался одержимым!

Впрочем, меня после мытья частенько тянуло на секс, так чем это не одержимость? Особенно если душ принимал вместе с девушкой...

— Ты останешься у меня! — восторженно воскликнула девушка, повыше подтягивая шелковый чулок и соблазнительно задирая ногу на кровать. — Ты мне приснился! Я сон видела, что ко мне придет кот, и этот кот точь-в-точь как ты! Полосатый, смешной такой! (Я — смешной?! Обматерить тебя, что ли? Мяу! Мяу! Мяу мать!) А еще — мне прорицательница предсказала, что в моей жизни будет мужчина-кот, и он очень важен для меня. Ха-ха-ха... вот он — мужчина-кот! Все на местах — мужские признаки имеются! Я буду звать тебя... звать... хм-м... какое же имя тебе дать? Не хочу, чтобы у тебя было банальное имя вроде Мурчик или Хвостатик! Меня рвать тянет, когда я слышу такие имена! Нет, надо придумать тебе другое имя, редкое, хитрое какое-нибудь.

— Может, Лохматый Засранец? — выпалил я уничижительно, выдав, само собой, очередное «мур-р-р». — Или: «Бывший Женатый Дурак»? (Мур-мур-мур!)

— Нет, я дам тебе человеческое имя! Ты будешь... будешь... (Только не Мечислав и не Варсонофий! Не нравятся мне эти имена, как и Йоулупукки и Эйяфьятлайокудль. Да и Тескатлипока с Миктлантекутли не устраивают!) Мокрик! Вот!

— Ф-ф-ф-у-у-у! Да ты чокнулась! — Я вскочил, фыркнул и зашипел, прекратив работать «мурлычной машиной». — Охренела, что ли?! (Мя-ау-у-у! Мур-мяу-у!)

— Тебе не нравится, да? — рассеянно заметила девушка. — Ладно, будешь просто Даган. Знаешь, кто такой Даган? Такой герой! Весь в стальных латах, он с демонами сражался! Вот! Даган! Даган! Иди сюда, мурлышка! Веди себя хорошо, какать ходи в душ, писать — тоже! Навалишь на пол — слуги будут недовольны и нажалуются магистрам! А те очень не любят, когда кошки гадят в комнатах учащихся, даже если это такие важные персоны, как я! Все, ухожу, меня пригласили на бал! Дагашечка, не скучай без меня, ладно? А я, может, тебе мышек принесу — утащу из лаборатории у магов-биологов! Вкусных мышек! М-м-м-м! Сама бы ела — какая вкуснота! Хочешь? Сочную мышку? Ладно, я убежала!

Девушка шагнула за дверь, щелкнул ключ в замочной скважине, и я остался один — сытый, чистый и довольный, как может быть доволен только мужчина, которому не надо срочно бежать на работу. Мягкая постель, еда, что еще нужно для счастливой жизни? Если только экран монитора? Да, трудно отвыкнуть от Интернета, так ломка начинается! Лежишь и думаешь — как там без меня в Сети-то? Как поживают мои заклятые друзья и добрые враги? Страдают небось без моих рассказов об их сексуальных извращениях? Печально... Но

пережить можно. В теплой постели, сытым и чистым.

Я спрыгнул с кровати, подошел к двери душевой, примерился, встал на задние лапы и толкнул. Дверь нехотя открылась, и я усмехнулся — теперь я гениальный кот! Видел бы меня кто-нибудь со стороны, наверное, начал бы творить знаки, ограждающие от нечистой силы!

Обследовал душевую — она же туалет — и с некоторым удивлением обнаружил, что здесь есть и подобие унитаза — медного, даже со сливом. Где они воду берут?! И тут же вспомнил о водосборнике на крыше и об огромном медном баке на чердаке. Забрался на унитаз, ухмыляясь во все свои кошачьи зубы, аккуратно сделал грязные делишки, как и положено интеллигентному гениальному коту. Затем отправился на осмотр моего нового жилища.

Да, моего! Я кот или не кот?! Каждый кот считает, что дом принадлежит только ему, а все те, что проживают рядом, суть слуги, обеспечивающие едой и убирающие какашки! А если кот недоволен поведением своей нерадивой челяди (покупают паштет вместо рагу! Негодяи!), то может наказать их кучкой в итальянские ботинки за сто пятьдесят евро пара!

Первое, что я должен был посмотреть, — это книги. Вряд ли, конечно, я смогу что-то прочитать. Глупо было б, если бы бывший владелец моего тела умел читать. Но проверить-то надо. А вдруг? Чудеса ведь случаются, иначе я не попал бы в это четверолапое существо!

Хотя... что называть чудесами. Для дикаря Южной Америки, сидящего в джунглях и питающегося обезьянами и древесными червяками, видеокамера — невероятное чудо, а для школьника из Бирюлево — лишь средство самопиара, зачастую абсолютно идиотского! Все нужно рассматривать через призму цивилизации, и никак иначе.

Нет, в данном случае чуда не случилось. Значки непонятной мне письменности покрывали толстую, желтоватую бумагу ровными, явно отпечатанными в типографии строками, и все, чем я мог довольствоваться, — это картинки, поясняющие написанное.

Увы, и картинками я мог воспользоваться только открыв книгу, здешние издатели, похоже, не очень-то приветствовали книжные суперобложки, передающие информацию о содержимом. Пока не откроешь — не узнаешь, о чем эта книженция. А ведь ее еще надо снять с полки! А если снял — как поставить назад? Никак.

Первая книга, которую я достал, едва не достала меня. Оказалось — проклятое собрание мудрости неизвестных мне ученых мужей (или дам?) весит столько же, сколько два кирпича вместе взятые. А может, и три. Когда я подпрыгнул и уцепился лапой за одну из книг, она легко поддалась, покинув полку, на которой тихо-мирно спала неопределенное количество дней, а может, месяцев, и приземлилась мне на макушку, врезав так, что перед моими глазами тут же закрутились яркие багряные круги на черном фоне. Вот тогда я и пожалел, что выбрал одну из самых толстых книг, считая, что уж в такой обязательно собраны самые лучшие мысли самых великих академиков этого мира!

Насчет академиков, конечно, преувеличил, но у меня всегда было почтительное отношение к здоровенным фолиантам — не будут же, в самом-то деле, в такой толстенной, с окованными углами книге писать какую-нибудь ерунду вроде рассказа девки о том, как ей хочется, чтобы богатый придурок постегал ее кожаной плеткой по прыщавой ананасной заднице! Наверняка такой фолиант — это непростая книга! Не описание женских извращенческих фантазий!

Минут пять приходил в себя, следя за тем, как комната наконец-то перестает вращаться вокруг оси и снова обретает состояние покоя. Я не любитель нажираться, но в моей жизни бывали случаи, когда помещение, в коем находилось мое брренное тело, вертелось подобным

катастрофическим для содержания желудка образом. Заканчивалось это предсказуемо и однообразно — рычание на унитаз.

Я против алкоголизации населения! Даешь трезвый образ жизни! И берегите голову, не роняйте на нее толстенные фолианты размером с половину кухонного стола!

Ну не с половину, конечно, это я перегнул, но размер вполне так себе приличный, так что жажнуло меня совсем не слабо. А когда книжка раскрылась ровно посередине и я начал разглядывать вожаделенные картинки, то через минуту разочарованно фыркнул — ничего не понимаю! Рисунки изображали какие-то предметы, травки и не известные мне растения, кусочки чего-то такого, стилизованного, что и не узнаешь, что это за объект. И под каждым изображением была подпись, которую я, естественно, не мог прочитать!

Что это была за книга — совершенно не ясно. Справочник алхимика? Руководство по магии? Собрание инструкций по изготовлению лекарств? Да хоть до завтра гадай — толку-то? Единственное существо, которое могло мне все разъяснить, — девица, ускокавшая, как ведьма на помеле! Нарядилась, расфуфыренная такая. На свидание, что ли? Похоже.

Интересно, ухажера сюда притащит? Не хотелось бы! Во-первых, неплохо было бы спать, прижавшись к голенькой девице, а не валяться на жестком каменном полу или калачиком на табурете, во-вторых, мне было бы неприятно смотреть, как какой-то там средневековый дебильчик пытит на моей девушке!

Хм-м... моей? Да, моей! Потому что я кот, а коту принадлежит все в этой комнате, даже если это «все» частично комнату покинуло!

М-да... что-то меня слишком уж захлестнуло «котовое». Соединение человека и кота дало странный результат. Понимаю, что не все со мной в порядке, но ничего с собой поделать не могу — все так, как оно есть, и по-другому быть не может. А раз так — примем как данность и живем дальше!

Вначале обеспечу себе базу, а уж потом...

А что потом? Подыщу себе ласковую кошечку и буду нормально юзать ее при первом же удобном случае? Подвергать сексуальному преследованию в свободное от сна и жрачки время? Как делают все коты? Ох-хо-хо... человек во мне с отвращением воспринимает мысль о том, чтобы окучить хвостатую подружку, а вот кот... И наоборот — хозяйка комнаты воспринимается моим человеческим началом как сексуальный объект, достойный возбуждения, кот же видит в ней источник сытного питания и нечто вроде ходячей грелки, за каким-то хреном сбежавшей от своих непосредственных обязанностей. Безобразие! Нет бы погладить мне спинку, почесать за ушком, потеревить бакенбарды... бродит где-то, мерзавка, обжимается с грязными мужчинками! Может, в туфлю ей надуть? Чтобы знала! Чтобы заботилась о тех, кого приручила! Да, приручила! Брошенный кусок мяса — нечто вроде брачного договора: «...и пока смерть не разлучит нас!» Все, договор заключен!

А раз мы теперь не чужие, пойду-ка я, проверю, что там в шкафах хранится? Что за подруга мне досталась? Или хозяйка — как она сама себя считает.

Осмотр одежды не дал никакой информации. Ну что можно сказать о женщине по дюжине кружевных трусиков и ночных рубашек, кроме того, что у нее есть деньги? Белье дорогое, шелковое и совсем даже не заношенное. Кружавчики дорогие, шелк тонкий, должен просвечивать. Интересно было бы посмотреть на эту девицу, когда она встанет перед окном! Интересно, зачем она спит голой, если есть такие ночнушки? Может, сейчас жаркое время года, вот и спит голышом? А как похолодает — одевается? Можно было бы предположить, что у нее есть мужчина, с которым она переспала, и этот мужчина ушел раньше, чем я

выпрыгнул из отдушины. Но нет — я все-таки кот, и запахи чую лучше полицейской ищейки. Не было тут мужчины, не пахнет им. Только чистой здоровой женщиной.

Осмотр много времени не занял, гардероб девушки был приличным, но совсем не таким, как у богатеньких гламурных дам. Все разложено по порядку, грязное белье в корзине у входа, чистое на полках. Туфли в шкафчике, посуда (а ее почти нет) — в шкафу на стене. В основном глиняные кружки, и только два бокала темного тяжелого синего стекла. Или хрусталя? Да какая по большому счету разница — суть одно и то же. Бокалы красивые, оплетены серебряными нитями, похоже стоят больших денег. Если я помню, в Средние века такие вещи стоили целое состояние, немногие могли себе позволить иметь хрустальные бокалы. Глина, керамика — даже у небедных людей. Отсюда можно сделать вывод — девушка из очень состоятельной семьи, возможно даже дворянской. Вот только что тогда она делает в этом вертепе биологов-изуверов-живодеров? Зачем богатым людям университет — а если я правильно понял, это он и есть! Странно работают объединившиеся файлы. На местном языке университет точно звучит по-другому, но мой мозг переводит это слово именно так. Ведь по сути, как ни называй, но принцип тот же — научное учреждение, в котором обучают студентов и занимаются научными же изысканиями. И опять — что тут делает знатная девушка? Чему она учится? И еще вдруг пришло в голову — неужели у всех студентов университета такие хорошие условия жизни? С отдельным душем и туалетом! Прямо-таки отель, а не университетское общежитие! Загадки, сплошные загадки! Голова идет кругом. И глаза слипаются... трудный был сегодня день, очень трудный. С вечера я был успешным, хотя и несчастливым в семейной жизни парнем, а на следующий день с утра уже котом, который ходит сам по себе. И стоит признать, что дела идут не так уж и плохо — все могло быть гораздо хуже! Особенно если бы попался после кражи мяса из кухни. Теперь у меня есть место, где я могу спрятаться от врагов, есть еда, осталось только разобраться, как жить дальше. Обычная кошачья жизнь меня совершенно не прельщала. Следовало как-то пробиваться по социальной лестнице. Хотя бы и среди разумных котов.

Я поспал. Потом сходил в душ и сделал свои кошачьи делишки. Снова поспал.

Время тянулось медленно-медленно, упругое, скользкое и тяжелое, как резина. Часа через три мне надоело сидеть в комнате, и я решил отправиться гулять. В конце концов — кот я или не кот? Коты должны есть, спать, гадить и гулять — это их основные занятия! Если не считать размножения. Но размножаться я отказываюсь категорически! Только представить... б-р-р-р... Пока что отказываюсь. В кошачьем теле.

Прикинув, как добраться до отдушины, я запрыгнул на шкаф — не без труда, но довольно-таки ловко — со шкафа, с небольшого разгона, прямо в дыру.

Хорошо, что кошки видят в темноте, как люди днем! Иначе тяжко пришлось бы в этом чертовом лабиринте. Но даже и с кошачьими глазами темновато.

Я шел вдоль комнат, прислушиваясь, бесшумный, как... кот. Длинный узкий тоннель воздуховода тянулся далеко-далеко, и комнат было так много, что я даже удивился — это сколько же тут студентов? Сотня? Тысяча? Вероятно — не меньше тысячи.

Само собой, не все студенты жили поодиночке, как моя... хм-м... девица. Большинство — по два, по четыре человека в комнате. Подкрадываясь к дырке, я видел кровати, видел парней и девушек, которые сидели, ходили, лежали в этих комнатах, прислушивался к разговорам, наблюдал, впитывал информацию, пытался понять, о чем говорят эти люди, кто они такие, чем живут и что тут делают.

Само собой — почти ничего не понимал. Похоже на то, что многие из студентов были иностранцами и, находясь в своих комнатах, говорили на незнакомых мне языках, а если и разговаривали на языке, который я понимал, то сыпали терминами и именами, которых я не знал.

Через два с лишним часа шпионской деятельности все, что я выяснил, — это то, что сегодня какой-то праздник, его здесь называли День Равноденствия, и что в этот день администрация города устраивает бал, куда приглашают и студентов, но не всех, а только благородного происхождения и кто имеет возможность заплатить за вход серебряную марку.

Что такое серебряная марка, я не знал, но нетрудно было догадаться — так называется одна из местных денежных единиц непонятного номинала. И эта единица вполне так прилична по своей покупательной способности, так как многие студенты говорили о марке с некоторым раздражением и сожалением, злопыхая в сторону богатейчиков, способных заплатить такой сбор.

Похоже, что моя девица совсем не проста, хотя об этом я догадывался гораздо раньше — все-таки отдельный номер и приличный гардероб что-то да значил. Жаль, что я не знал ее имени, — возможно, в разговорах упоминали мою красотку, но... я не знал, что говорят именно о ней. Потом разузнаю побольше.

В разговорах частенько упоминали неких магистров, кляли высокую плату за обучение, обсуждали девушек, парней, смеялись, рыдали, а в одной комнате я застал парочку в самый интересный момент — они сдавленно пыхтели, пристроившись на узкой кровати, как два среднего размера бегемота. Любовники были довольно-таки упитанны, и когда они все-таки свалились с тесной лежанки в пылу своего любовного сражения, звук был таким, как если бы с полки упали десять фолиантов подобных тому, что недавно припечатал мое вместилище гениального разума.

Я не удержался и фыркнул, глядя, как эти два поросенка возятся на полу, постанывая от боли в ушибленных конечностях, но досматривать не стал — слишком уж зрелище было не эстетично. Я недолюбливал толстяков, полагая, что излишний вес — это не болезнь, а распущенность.

Обжорство, как известно, один из семи смертных грехов. Да, я не особо интересовался религией, но уж про грехи-то знал досконально, особенно про прелюбодеяние и гордыню. И то и другое было знакомо мне не понаслышке — как и большинству нормальных половозрелых горожан. Да и множеству селян — тоже.

Когда подглядывание за чужой жизнью мне окончательно надоело, добитый отвратительным зрелищем совокупляющихся мастодонтов, я побрел назад, в комнату, которую уже считал своей, чтобы предаться сладкому сну. Будет день, и будет дело — как говаривал мой отец.

У меня вдруг защемило сердце — как они там, без меня, мои родители? Небось плачут на похоронах, страдают! А я вот тут, жалкий котяра, питающийся подачками с чужого стола! Хорошо хоть кроме меня еще Ольга есть! Остаться одним, без детей на старости лет — жуть!

Ничего, сестренка плотно сядет им на шею, и они быстро меня забудут. Внуки пойдут. Ведь когда-нибудь она же все-таки выскочит замуж? А раз выскочит — значит, будут внуки.

И даже если не выскочит — тоже будут, или я не знаю свою шуструю, любвеобильную сестру! Так что будет кому испортить им спокойную старость.

Они ждали того же от меня, но... судьба распорядилась иначе. Увы. Или — НЕ увы?

Сам не пойму. Пока не пойму. Может, в моей жизни и не хватало вот ЭТОГО? Безумства. Приключений. Магии. Может, потому моя душа отказалась подчиниться и спокойно отправиться в небытие?

Одна часть меня желала остаться на белом свете, другая жаждала перемен, интересной, яркой жизни, и этот раздрай в душе привел меня в кошачье тело?

Самокопания все равно ни к чему не приведут, это я знал точно. В прежней жизни они приводили лишь к бутылке виски — моя душа не принимала водки, считая ее уделом алкашей и бомжиков. «В-в-выски»! Но безо льда — все-таки я русский человек, чтобы не пить без закуски и по-дурацки, посасывая разбавленную талой водой коричневую жижицу. Выпивать так выпивать! Хряпнул стакашку — и огурчик маринованный — хрусть!

Я легко нашел проход в «свою» комнату, безошибочно выбрав нужную дыру в стене, — у кошек есть свои преимущества! Они не забывают дорогу и всегда находят свой дом — я читал об этом, и не раз. Месяцами идут к своему дому, вывезенные за тысячи километров, и находят его как ни в чем не бывало! Как это происходит — до сих пор так никто и не понял. Магия!

Кстати сказать — кошки всегда считались загадочными существами, хотя я лично ничего загадочного в них не находил. Кроме удивительной способности залезть в щель между книжным шкафом и полом высотой чуть больше ладони и нагадить там так, чтобы не было видно снаружи, но запах держался не менее двух месяцев. Или трех. Проверено!

Благополучно достигнув девичьей (Или женской?! Вот как узнать?!) кровати, я с наслаждением растянулся на чистом покрывале, пахнущем сладкими притираниями, и заснул, грезя о человеческом теле, которое я мог бы уложить в эту постель так же удобно, как сейчас. О своем теле! Ну... и не только о своем. «Красотки, красотки, красотки кабаре! Вы созданы лишь для развлече-е-ений!» М-да... «Кошки, кошки, кошки...» — не звучит!

От скрежета в замочной скважине я подскочил, как на пружинах, — сна ни в одном

глазу! Если что и умеют кошки, так это мгновенно просыпаться, а после пробуждения так же мгновенно вцепляться когтями в ногу супостата (проверено!).

Дверь открылась, и в нее ввалились двое: высокий светловолосый парень, плечистый, холеный, настоящий ангелочек, мажор, мечта провинциальной искательницы богатых женихов, и хозяйка комнаты, голова которой беспомощно болталась на длинной шее, опускаясь туда, где соблазнительно белел вырез дорогого платья. Мажор тащил девицу на плече, как мешок тряпья, и похоже, что парень был довольно силен — особых усилий он явно не прилагал, и это при том, что ноги моей благодетельницы не касались пола.

Парень положил девушку на постель, не обратив внимания на то, что я залег в засаде у изголовья кровати за подушкой, поставил на стол фонарь, который держал до того в руке, и пошел закрывать дверь. Прикрыл, задвинул засов, предварительно вынув ключ из замочной скважины, со стуком бросил его на стол, подошел к постели, на которой сладко посапывала хозяйка комнаты, остановился, перекатываясь с носка на пятку, сунув большие пальцы рук за пояс, поддерживающий вышитые серебристой нитью штаны. Постоял так секунд десять, будто на что-то решаясь, ухмыльнулся и решительно потянул подол платья спящей красавицы вверх, к ее горлу. Остановился только тогда, когда подол застрял на груди, удерживаемый тугими холмиками, — нужно было распускать шнуровку, чтобы снять совсем, а ему явно было лень! Да и зачем, если все, что нужно для «дела», находится ниже? Под кружевными трусиками, которые так легко стянуть — даже чулок снимать не нужно, тем более что в них девушка выглядит гораздо аппетитнее!

Он так и сделал. Через несколько секунд девица уже лежала наполовину голой, с раздвинутыми ногами, а мажорчик, торопясь, расстегивал свой украшенный серебряными бляхами пояс.

Я наблюдал за происходящим, будто видел это на экране кино, будто то, что происходило, меня никак не касалось. Ну — напилась девушка, ну сейчас лишится девственности (если она у нее вообще есть!), так и что? Я ей кто — брат, жених или папа с мамой? Мне-то какое до того дело? Тем более что я терпеть не могу пьяных женщин. Подшофе они делаются истеричными, слезливыми, обидчивыми. Или наоборот — игривыми, маниакально-сексуальными, а бывает — нарочито-неприступно-холодными, все, что угодно, но только не теми женщинами, какими являлись в жизни. Я все-таки достаточно пожил на белом свете, чтобы видеть все варианты развития событий с женщинами, накрытыми алкогольным дурманом, и у меня давно сложилось мнение, что пить они не умеют, и когда все-таки нажираются, держаться от них нужно как можно дальше. Даже если и существует шанс, что пьяная красотка одарит сеансом особо бурной, запоминающейся, эпичной любви.

Впрочем, обычно сеансы эти какие-то грязные, мокрые, потные и скользкие — не люблю секса с пьяными дамами, распустившими свои пьяные слюни. Нет, оба партнера должны понимать, что они делают, чувствовать и получать от всего этого удовольствие. Не так, как сейчас, когда один из партнеров — *«ни бе, ни ме, ни кукареку»* — как говорила моя бывшая супруга, не к ночи будь она помянута!

М-да... постоянно вспоминаю ее — к месту и не к месту. А что поделать — любил... «любовь еще, быть может, в моей душе угасла не совсем!»

«Это Рембрандт, да?» — сказала бы сейчас моя «образованная» супружница. Мама частенько тихо хихикала над ее великолепными высказываниями, и меня это слегка злило — что поделать, если не удалось девушке родиться в таком месте, где школа — настоящая

Школа, а не место, куда ходят, чтобы правдами и неправдами получить аттестат.

Эти раздумья мелькнули и ушли прочь, оставив лишь одну мысль, — что делать? Проклятый мажорчик уже достал свой размножительный аппарат и деловито приводил его в боевую готовность, примериваясь, как бы это ловчее поунижать и заюзать мою благодетельницу. И было в этом зрелище что-то такое, что мне совсем бы никогда не понравилось, даже если бы я и не был благодарен за предоставленную крышу над головой, пищу и постель. Нехорошо все-таки вот так воспользоваться телом доверившейся тебе девушки, которая, возможно, потом и не вспомнит, что ты ее фактически изнасиловал. Пусть даже и сама виновата — нечего было так напиваться.

Ухмыляющийся придурок, трясущий своим поганым отростком перед беспомощной девушкой, заслуживал хорошей трепки, хотя бы ради того, чтобы запомнил — с женщинами нельзя так обращаться! И вообще с людьми. Должна же быть хоть какая-то совесть, даже если ты средневековый мужлан! И не средневековый — тоже.

И я ринулся в бой.

Если кто-то думает, что взрослый кот умеет только мурчать, фырчать и гадить в тапки — он жестоко ошибается. Не всякая собака сможет победить кота, а кошка, которая защищает своих котят, способна разогнать и нескольких собак, решив, что они покушаются на ее чад. Я не был кошкой, и девушка не была моим чадом, но все-таки теперь она не была мне и чужой, — я ведь защищал свою собственность, свою территорию, свой дом!

Да кроме всего прочего — события этих суток оставили в моей душе неизгладимый след в виде здоровенной кучи психологического дерьма, которое срочно требовалось переправить на первый подвернувшийся под руку... хм-м... лапу — объект. Выместить зло, так сказать. И этот объект скоро пожалел, что подвернулся под мою «мягкую» кошачью лапу.

Я завопил так, что меня должно было быть слышно в противоположном конце общежития. Если кто и мог меня заглушить, так это раненый супостат, но даже он, вопя, как десять атакующих самураев, не смог перекрыть мой боевой клич! А стимул вопить у него был знатный — когти, острые, как рыболовные крючки, расплосовали ему самый драгоценный мужской объект, едва ли не навсегда лишив способности размножаться.

Когда мажор зажал в ладонях окровавленные, в лохмотьях кожи гениталии, я впился ему в лицо, стараясь не ослепить — хватит с парня расплосованных щек, лба, надкушенного уха и носа.

Упав на колени, со сползшими до щиколоток штанами, мажор на четвереньках вслепую пополз к двери, стена, как плакальщицы, провожающие в последний путь фараона Аменхотепа. Я же решил ускорить его движение к темному будущему и слегка покарябал голый зад мажора, оставив на прыщавых ягодицах длинные кровавые следы, будто по заднице прошелся острыми граблями усердный гастарбайтер, в приливе энтузиазма решивший продрать поверхность газона до самого что ни на есть материкового слоя земли.

Мажор очень быстро, будто включил ракетные ускорители, метнулся вперед, врезался в дверь, что, казалось, вынесет ее с петель, нащупал засов и вывалился в коридор, захлопнув за собой тяжелую створку, окованную полосами железа, отрезав себя от происходящего в комнате бесчинства! И слава богу, что закрыл! Я вряд ли смог бы притворить эту тяжеленную дверь, явно рассчитанную на то, чтобы ее можно было сломать только невероятными усилиями нескольких человек, при всем при том использующих исключительно тяжелые топоры и кувалды.

Я примерился и, с разгону допрыгнув до засова, ловким ударом лапы подвинул его влево,

блокируя створку. На всю длину закрыть не удалось — после трех прыжков я сдвинул засов всего сантиметров на пять, но и этого хватило, чтобы уберечь комнату от нежелательного проникновения. Фактически засовом служило нечто среднее между зубилом и ломиком, к которому были приделаны торчащие в стороны ручки. И того, что я сделал с этим засовом, было достаточно, чтобы закономерно возгордиться своими деяниями. Ловкое это существо — кот! Я!

Все. С чувством выполненного долга я подошел к кровати и посмотрел на убереженную от позора спящую красавицу. Она так и лежала — поперек кровати, голая по пояс, с бесстыдно раздвинутыми ногами, такая красивая, незащищенная, соблазнительная... что, будь я человеком, вот так взял бы, да и... защитил бы ее как следует! И еще раз! Ух, красоточка! Пупсик средневековый!

Хотел одернуть на ней платье, легонько подергал зубами за подол, потоптавшись на мягком животике, но убедился в бесперспективности предпринятых действий. Несмотря на то что девушка была довольно-таки миниатюрна, для такого сублильного существа, как я, она была Гулливером в стране лилипутов, и как следует одернуть платье у меня бы точно не получилось, тем более что тащить придется зубами, а, как ни странно, тонкий шелк очень не любит кошачьих зубов и когтей. Зачем портить хорошие вещи?

Вид обнаженной девушки ничуть меня не смущал — я же все-таки не совсем человек... или совсем не человек — не знаю, как лучше сказать, — тем более что мне не двенадцать, а в два раза больше, и уж чего-чего, а по пояс голых девушек с раздвинутыми ногами я насмотрелся достаточно. Такого добра в Интернете — только мышкой щелкни.

Да и в реальной жизни я не был совсем уж таким ботаном. Девушки не обделяли меня своим вниманием! Вот мама и удивлялась, почему это среди всех претенденток, которые готовы были для меня на все, я выбрал самую тупую, необразованную и бестолковую невесту! Что сказать по этому поводу? Любовь зла, полюбишь и... ну ясно. Нет, не насчет козла — насчет козы. Не люблю «нетрадиционных»! Не толерантный я, да.

Запрыгнув на постель, занял свое насиженное место и улегся, пристально наблюдая за вздымающейся грудью девушки. Вернее — за двумя холмиками, которые не мог сдержать шелк платья. В голову лезли всякие мысли, вроде: *«Не все женщины, обожжающие кошек, такие стервы, как моя бывшая. И что — хорошо, что есть такие женщины. Иначе бы нам, котам, жилось совсем тяжело. А так ничего — живем, мясо жуем, в теплой постели спим, и хотели бы спать в ней и дальше!»*.

Потом я начал смотреть на фонарь. Почему на фонарь? А потому, что он был странным — в нем не горел огонь! Только сейчас это заметил, когда успокоился. Из фонаря струился ясный желтоватый свет, похожий на солнечный, но пламени не было видно, да и копоти не наблюдалось! А это значит, что или фонарь был электрическим, или тут задействована магия. И сомневаюсь, чтобы здесь что-то знали об электрических батареях. Хотя — кто знает? Я и видел-то в этом мире — тоннели замка да заплеванной двор.

Скептически отношусь к понятию «магия». Это слово придумано невежественными людьми, пытающимися объяснить непонятные им процессы мистическими причинами. Молния ударила — магия! Ветер дует, ураган — магия! Колдуны разбушевались!

Потоп — тоже магия!

И виновата, конечно, баба Настасья, живущая в соседней деревне, — у нее характер склочный, от нее воняет тухлятиной, и клюка ейная — ох какая подозрительная! Нос крючковатый и бородавка волосатая — явно ведьма, тудыть ее в качель!

Всему есть объяснение. Да, я признаю, что есть некие процессы, которые нельзя объяснить научными теориями, процессы, не подпадающие ни под одну известную научную гипотезу. Ну — не объяснили, к примеру, как экстрасенсы могут читать сознание людей! А ведь могут, что бы там ни говорили скептики!

Или НЛО — ну летают же, летают! В старину считали — что это летают колдуны или демоны. Сейчас вариантов больше — от перекасти-поля, взметнутого вихрем, до живых плазмоидов, прилетевших подпитаться от высоковольтных линий. Теорий много, и все непроверяемые. Однако же любой серьезный ученый тут же скажет, что к магии эти процессы не имеют никакого отношения. И все с ним согласятся, да!

Вот только пусть эти самые ученые дадут четкое определение — что такое магия? Что можно назвать магией, а что нельзя?

А если допустить, что существуют люди, которые умеют управлять природными процессами без участия каких-либо приборов? Просто за счет особого устройства своего мозга? Ну, к примеру, случилась такая мутация — Чернобыльская или Фукусимская, и некоторые люди вдруг обрели способность управлять огнем, ветром, водой? Или даже гравитацией? Тогда как? Почему нужно так ярко отрицать существование магии, чуда, и это при том, что рядом с научными теориями существует множество религий, основой которых является не что иное, как Чудо! Управление процессами без участия машин, лишь волей — чистой, незамутненной цивилизацией волей!

У нас прогресс пошел по техническому пути, но в других мирах он мог пойти совсем другой дорогой. И пошел — судя по тому, что я слышал за первый день моей жизни в этом мире.

Мои глаза сами собой сомкнулись, и я уснул, потерявшись в теориях, гипотезах и снах, нахлынувших на меня как половодье.

Снилась мне моя уютная квартирка и супруга, стоящая над моим мертвым телом. Она активно изображала скорбь, но я видел, как над ней витает облачко мыслей, в которых эта поганка дергается в пароксизмах оргазма, тая в руках гаденыша-соседа.

Видел мою маму, прижимающую к глазам платок и время от времени с ненавистью глядящую на мою бывшую.

Видел отца, застывшего с каменным лицом и уставившегося в одну точку.

Видел сестру — она тоже была расстроена, но больше скучала, и над ее пустой головкой витали картинки, которые были ничуть не менее паскудны, чем те, что зависли над головой моей бывшей женушки.

Не знаю, видел ли я все это взаправду, или мой мозг сложил картинку из отзвуков размышлений и воспоминаний, как и положено порядочному мозгу, только я был очень расстроен, и сердце мое билось часто, резко, будто пытаюсь вырваться из груди. Я переживал — если и было в моей жизни что-то ценное, о чем я мог пожалеть искренне, до глубины души — так это мои родители, которых любил и, глупый осел, не удосуживался сказать им об этом лишний раз.

А теперь поздно. Теперь — никогда! И от этого в спящей моей душе разливалась невыразимая тоска, тянущая, колющая, болезненная, как рана, которая когда-нибудь все-таки заживет, но след от нее останется навсегда. Больно, очень больно осознавать, что ты умер. Тебя нет! Есть только душа, неведомо как зацепившаяся за тело бродячего кота. Никому не нужного, никем не любимого — кота, которого никто и нигде не ждет.

Да — я кот, которого никто не ждет. И с этим мне жить. И выживать. Уж очень хочется

посмотреть — что же там дальше будет? Даже если времени на просмотр осталось не так уж и много.

Сколько мне лет? Вернее — моему новому телу? Два? Три года? Пять лет? Скорее всего — последнее. Мне так кажется. А значит, в запасе у меня еще лет десять, если только здешние коты живут столько же, сколько и земные. По человеческим меркам мне... хм-м... да получается — примерно столько же, сколько и было! Двадцать пять — тридцать лет, не больше и не меньше. Для котов время движется гораздо быстрее. Особенно когда они спят. А спят коты двадцать часов в сутки, в остальное время — жрут, гадят, дерутся за кошек и трахаются.

Чем-то напоминает жизнь викингов, ага! Только живут коты меньше этих бородатых героев сериалов. Хотя... викинги тоже особо не заживались на белом свете, судя по увиденному и прочитанному.

Проснулись мы сразу, вместе, от стука в дверь. Я подскочил на кровати, пружиня всеми четырьмя лапами, девушка же вяло пошевелилась, обмахнула лицо рукой, будто пытаясь освободиться от навязчивого кошмара, а когда кошмар не прекратился, села, тоненько застонав, бессмысленно глядя в пространство и вертя головой из стороны в сторону.

Стук в дверь продолжался — назойливый, упорный, будто там, за дверью, находился маньяк, жизненной целью которого было добраться до сладкой плоти молоденькой девицы, криво зевающей и поправляющей слипшиеся волосы цвета воронова крыла.

Девушка села, спустив ноги на пол, посидела, упершись руками в край кровати, собралась встать, и только тогда до нее дошло — она голая до самой груди! Без трусов!

И только после этого, похоже, в ее голову ринулись воспоминания, которые сразу же вышибли сон и окрасили кожу в пунцовый цвет.

Я еще ни разу не видел, чтобы ТАК краснели. Ее лицо стало багровым, живот, даже аккуратная попка без единого прыщика (на удивление идеальная попка! Я, можно сказать, специалист по попкам и свидетельствую — всем попкам попка!) — все сделалось розовым, краска стыда покрыла тело с головы до пят, и первое, что сделала уже не спящая красавица, это некрасиво раздвинула ноги, скорчив страдальческую мину, всхлипывая от накативших горестных чувств, и начала шариться ТАМ, видимо отыскивая признаки совершенной вчерашним вечером патологической глупости. Убедившись, что явных следов безголовости вроде как не имеется, она лихорадочно одернула платье, покусывая нижнюю губу и недоверчиво мотая головой, затем схватила кружевные трусики, валявшиеся на полу, и сунула их под одеяло, уберегая от чужих нескромных глаз. Только потом шагнула к двери и хриплым, надтреснутым голосом спросила, откашливаясь и потирая глаза:

— Кто? Чего вам нужно?!

— Посыльный от графа Марона Герена! — послышался молодой, звонкий голос. — Послание для ее светлости баронессы Амалии Зонген-Мальдар!

— И потому надо выламывать дверь? — сварливо осведомилась Амалия (теперь я знал ее имя!), уцепившись за ручку засова, отодвинула его в сторону и приоткрыла дверь. Затем высунула руку в образовавшуюся щель и повелительно потрясла рукой. — Давай! Быстро!

— Господин граф велел передать на словах, что вы встретитесь с ним в суде магистров!

Рука Амалии появилась с зажатым в ней письмом, дверь захлопнулась, засов снова задвинулся, и озадаченная девушка начала срывать с письма красную сургучную печать, впившуюся в плотную бумагу конверта, как стригущий лишай в тело бродячего пса. Печать довольно долго не поддавалась, девушка морщилась, но в конце концов справилась с

проклятой нашлапкой, с треском вскрыв конверт, достала хрустящий листок бумаги и углубилась в чтение, страдальчески кривя рот и покусывая нижнюю губку.

Кстати сказать, я уже заметил, что «моя» Амалия была совсем не так совершенна, как следовало ожидать от родовитой воспитанной девушки, — она строила рожицы, разговаривала по-простому, в отличие от того идеала, которым должна быть настоящая баронесса.

Впрочем — что я знал о баронессах? О том, как они должны себя вести? Откуда я получил информацию о дворянах? Из книжек, написанных писателями, почерпнувшими знания о дворянстве из книжек других таких же писателей? Из сериалов, рассказывающих о богатых, которые тоже плачут? Да и, по большому счету, кто сказал, что эта баронесса, именно ТАКАЯ баронесса, какие были и есть в земном мире? Это мой мозг перевел название ее титула, как «баронесса», а ведь на самом деле он звучит вслух совсем по-другому!

Да какая, в принципе, разница... все так, как должно быть. Девчонка как девчонка, пусть даже и родовитая дворянка, баронесса. Руки, ноги, попка, сиськи, делов-то! Чего на этом заморачиваться?

Амалия дочитала письмо, бессильно опустила руки, подошла к кровати и села, глядя в пространство. Потом оглянулась на меня и весело расхохоталась:

— Ты?! Кот-демон?! Едва его не кастрировал?! Ха-ха-ха! Я вызвала демона, поселила его в кота и натравила на графского сынка?! О Создатель! Этот дурак сам не понимает, каким посмешищем станет для всего университета!

И тут же посерьезнела, некрасиво скривив лицо. Когда-нибудь я скажу ей, что воспитанные девушки так не делают! И некрасиво, и морщины!

— В суд тащит, мерзавец! И что делать? Если я скажу, что он меня домогался, воспользовавшись беспомощным положением невинной девушки — кто мне поверит? Следов насилия нет! Ну да, он принес меня, положил на кровать, но где доказательства, что пытался меня изнасиловать? А вот у него есть доказательства того, что мой кот напал и едва не оторвал гаду поганый отросток! Хм-м... кстати, надо еще разобраться — а почему это я вчера оказалась в таком состоянии? Я ведь пила только легкий сидр! Да немного вина, которым он же меня и угостил! Похоже, что гаденыш что-то туда подмешал! Но как так — ведь он тоже пил из фляги! И давал пить двум девицам и своему приятелю! Ну да, ты сейчас скажешь — нечего было пить из чужой фляжки, мало ли какая гадость там налита! Но я же не могу отказать в такой малости сыну графа, фаворита самого императора! Это влиятельная семья, очень влиятельная! Да и просто... что я, совсем уж провинциалка, что стесняюсь отхлебнуть из фляги своего коллеги? Приятеля? И кроме того — пили ведь за здоровье императора! Как можно за это не выпить? Наша семья и так в опале после Сланорского бунта, чудом не пошли на плаху, лишились половины своих земель после Сибурского трибунала, который, кстати, так и не доказал причастность нашей семьи к попытке переворота. Однако земли у нас нагло оттяпали! И я подозреваю — неспроста, они ведь граничат с землями того же чертова папаши-Герена! Ему и были пожалованы наши земли вместе с орденом: «За безупречную службу на благо империи»! Не могла же я допустить, чтобы до императора дошло — младшая дочь «бунтовщика» отказывается пить за его здоровье! А ведь могут и донести! И тогда папе не поздоровится, а он только-только нашел жениха Ленаре! Свадьба расстроится, контракты разорвут, все прахом — а мы только-только начали вставать на ноги, расплатились с долгами!

Амалия снова посмотрела на меня и протянула руки:

— Иди ко мне, мой защитник! Ты один, кому я могу верить! И ты самый лучший слушатель на свете! Молчишь, не перебиваешь, тебе можно сказать все, что угодно, и ты меня не предашь, не передашь мои слова врагам! Ведь правда же, не предашь?

— Мяу-мур-р-р-мяу-у-у! Мур-мяу-мур! — глубокомысленно сказал я, и Амалия радостно засмеялась:

— Вот-вот! Мур да мяу! И больше ничего! Ладно, пойду-ка я смою с себя следы липких пальцев этого придурка! Небось щупал меня во всех местах, влезал, куда не надо! Влезал же, да? Бр-р-р... гадина!

Я едва было не кивнул на слова Амалии, вспомнив, как графский сынок жадно тискал ее гениталии, как сжимал грудь, сладострастно сопя и облизывая губы, но опомнившись, сдержался — зачем пугать девушку своим странным поведением? Я ведь обычный кот, а не какой-то там вселенец-демон, как утверждает мерзкий мажорчик!

Дальше все пошло как обычно. Мы поели, для чего мне была выделена персональная мисочка, и попили. Амалия перед завтраком вымылась, бросив вещи в большую плетеную корзину, а затем завалилась спать — уже нормально, без одежды, как и положено настоящей красоте (хороший обычай спать нагишом!). Я был приглашен в ее компанию и около часа дремал, прижавшись к голому боку девушки, размышляя о превратностях судьбы и соображая, чем же могу помочь моей благодетельнице.

Что ей грозит? Что с ней будет, если ее признают виновной? Этого я пока не знал, но предполагал, что ничего хорошего Амалию не ожидает. Чувствовал, что она была очень озабочена.

Не дожидаясь, когда девушка проснется, я воспользовался своей старой дорогой и уже без особых проблем шмыгнул в отдушину воздуховода. Я все больше и больше адаптировался к кошачьему телу и теперь передвигался с привычной кошкам ловкостью, совершенно не испытывая проблем. Движения мои были мягкими, точными, шел я так, будто находился на территории противника и за каждым поворотом тоннеля меня ждал враг. Так двигаются все кошки, даже если они всего лишь вышли на прогулку во двор деревенского дома — для них вся территория за порогом — это охотничьи угодья и поле боя с конкурентами, мечтающими узурпировать власть проживающей на этой территории представительницы кошачьего племени. Кошка кошке враг — гласила бы народная кошачья пословица, если бы у кошек имелись хоть какие-нибудь пословицы.

Я решил найти комнату чертова мажора и послушать, чем он дышит. Как это точно сделать, найти — не знал, но предполагал, что система вентиляции должна проходить по всему зданию, подходить ко всем комнатам, а раз так, то я могу вычислить искомый объект по запаху и голосу — уж чего-чего, а запах мажора я запомнил очень даже хорошо. Кошачий нюх — есть кошачий нюх, а злопамятность кошек, она же память, давно уже вошла в легенды.

Я шел вдоль длинного узкого тоннеля, бесшумный, как нашествие вирусов, и полный праведного гнева, как ангел мести. Мои уши, различающие малейший шорох, торчали, как локаторы, ноздри расширялись, прогоняя сквозь себя миллионы молекул запахов, которые должны были быть в тысячи раз сильнее, чтобы их смог ощутить человек.

Кошка спокойно смогла бы быть ищейкой, если бы кто-то сумел заставить ее работать. Дрессировка кошек — дело гиблое, неблагодарное, и редкие дрессировщики связываются с этими своенравными существами — я читал об этом сетевую статью. Кошки не

мотивируются угощением, они терпеть не могут, когда на них воздействуют силой, и просто убегают, когда кто-то пытается заставить их что-то сделать.

Кстати, во мне всегда было что-то от кошек, с прискорбием хочу это признать. Давить на меня бесполезно, драться я тоже не любил, лучше быстро свалить, чем героически переть на толпу, но если уж зажали в углу — порву, как... как... Мурзик Тузика! Буду драть, кусаться, визжать и грызть, пока вражина не поляжет или пока не лишусь сознания.

Бывало и такое, да. И супостат ложился, и сам терял сознание — юность бурная, и не смотрите, что я вроде как ботаник, программист и все такое прочее — глотку перегрызу не хуже сторожевого... хм-м... кота!

Кстати — такие были, как ни странно. Уж не помню, какая порода, но на Востоке их использовали как сторожевых — сидели себе такие гладкошерстные голубоглазые гады на полочке над дверью и ждали несанкционированного проникновения в домовую базу! И тут же их — хват! За башку! За кумпол глупый! И когтишками кривенькими в глазыньки-то — цап-царап! И нет глазыnek! И головки нет! Э-э-э... м-м-м... головы то есть — на плаху, само собой, чик топориком — и покатила голова супостата!

Занятый воспоминаниями о жизнеописании нации котов, я едва не проскочил мимо искомого объекта. Отдушина уже скрылась за спиной, когда в голове у меня будто ударили колокола — дзынь! Ключуло! Есть! Вот он!

Я вернулся назад и встал возле решетки, перекрывающей широкую отдушину. Оттуда просто-таки несло мерзким мажорским запахом, вернее — запахом того мажора, кровь которого до сих пор была видна на моих когтях.

А еще — голос. Вальяжный, звучный, важный, голос человека, привыкшего к тому, что ему не будет отказа ни в чем.

Я вообще удивлен, что ему понадобилось опоить девицу, прежде чем ее изнасиловать! Пригласил бы куда-нибудь в укромный уголок, там решил вопрос по существу проблемы, и... что бы ему было за это гнусное деяние? Скорее всего — ничего. Он же сын богатых и влиятельных родителей! Хотя... может, я чего-то не знаю? Ну... например... что такое университет? Кому он подчиняется? Какое влияние имеет на жизнь страны? А возможно, и мира? Может, тут богатство и близость к власти не имеют такого уж значения? В чем я очень сомневаюсь.

Но если это так, то все-таки зачем опаивать девушку? Вопросы, вопросы, вопросы... информации ноль, в остатке лишь желание помочь девчонке. И не потому, что она покормила меня и дала крышу над головой, и не потому, что у нее классные сиськи и тугая попка... понравилась она мне. Не как сексуальный объект (какой там объект — я же кот! Разумное животное!) — привлекла она меня чем-то другим. Шустрая, умненькая — сразу видно, и порядочная — не гуляющая девка, это тоже видно. Может, и правда, судьба заслала меня сюда, чтобы помочь ей? Может, я так поправлю свою карму?

Вообще-то, при всей своей нерелигиозности, в закон кармы я верил. Верил, что если сделать гадость, — она ко мне вернется. Верил, что, умножая добро в этом мире, я делаю так, что добро в конце концов вернется и ко мне. И при том при всем так же был уверен, что зло надо наказывать.

Кстати сказать — наказание зла поднимает карму! Наверное. Ну... я так думал, да. Не углубляясь в философию.

Дед, покойник, всегда говорил: «Добро должно быть с кулаками! Зло должно быть наказано!» Крепкий был мужик, бывший вояка. Полковником в отставку вышел, и повоевать

пришлось. Не любил рассказывать о войне, но шрамы на его теле я видел. Какая война? Он и Вьетнам, и Афган зацепил. Хватило на его долю. Очень его уважаю. Жаль, не пожил подольше! Хорошие люди умирают, а такие вот подонки вроде этого мажора живут! Ну и где справедливость? Куда бог смотрит? Или боги... не знаю, как тут с этим делом — в этом мире. А может, меня и заслали сюда, чтобы восстановить справедливость?

— ...после праздника. Ректор уже назначил суд, так что все будет как положено.

— Ты на самом деле думаешь, что она занимается запретным колдовством? Ну... это... про кота. Думаешь, ректор поверит?

— Кот был у нее в комнате, она его натравила на меня, предварительно заманив туда, соблазнив своим телом! Я видел, как кот разговаривает, а сам не мог двигаться! Она наложила на меня заклятие неподвижности!

— М-да... а зачем? Ну зачем ей это было надо? Тебя же спросят.

— Чтобы нанести вред верному соратнику императора! Через его сына! Чтобы взять у меня кровь и сотворить черное заклинание! Так она и сказала!

— Послушай... это слишком фантастично. Может, что-то попроще, а? Зачем лезть в политику? Если все это раскроется, тебе не поздоровится. Папаша тебя же и сожрет с потрохами, соображаешь? Врать нужно уметь!

— Ну давай, давай... тогда ты придумай! Если такой умный! Давай!

— Она заманила тебя в комнату, чтобы поиздеваться. Ты, добрый и честный парень, пошел за ней, чтобы помочь ей дойти без последствий — чтобы никто не обидел, чтобы не свалилась, потому что напилась. А там оказалось, что она хочет над тобой поиздеваться! Сковала тебя заклинанием, стала раздевать, а когда ты все-таки преодолел ее магию, натравила на тебя кота. Ну а что за кот... это уже можно намекнуть, напрямую говорить о том, что в нем сидит демон, нельзя, магистры тут же потребуют доказательств, а какие доказательства ты представишь? Заклинание правды ни ты, ни она пить не обязаны! Не могут заставить пить его ни баронессу, ни сына графа. Значит, — только твои слова против ее слов. Ну и кот — ты сумеешь заставить ее предоставить кота на суд магистров? Ох, Марон, ну какого черта ты это все затеял?! Все шито белыми нитками, все такое... ерунда, в общем! В любом случае ты в полном дерьме — все будут знать, что какая-то там девка затравила тебя дрессированным котом, едва не кастрировала! И ты еле удрал от нее! Будет суд, ты станешь говорить против нее, она против тебя — и кому поверят магистры? Закончится это тем, что магистры вынесут постановление об отказе в твоих претензиях по недоказуемости. Зачем им разговоры, что у нас занимаются черной магией?

— И что я должен был сделать?! — Голос взвился до визга, и человек закашлялся. — Кхе-кхе... я что, должен был спустить ей с рук нападение на важную персону?! Как ты считаешь?! Ну что, что? У меня до сих пор в паху все зудит после этого чертова лекаря! А ты бы видел, как смотрел этот гад! Он смеялся! Да, да — на морде ничего не было написано, но он смеялся! И кот этот проклятый едва глаза мне не выцарапал! Лицо изувечил! Лекарь еле справился! И что я должен сделать?!

— Затихнуть. И потом отомстить. Как отомстить — другой вопрос. Найти способ. Пришибить в темном переулке, и всего-то делов! Нанять людей — всегда достаточно желающих подработать, и пусть бы они ее слегка приласкали — во всех смыслах! И ты вроде как ни при чем, и зло наказано. Недоказуемо! А теперь ты будешь выглядеть дураком!

— Умник... говори, да не заговаривайся! Мой род древнее твоего в два раза как минимум! Мой отец — советник императора!

— Но не ты. И если не хочешь выглядеть идиотом, отзови жалобу. А я разузнаю насчет людей, которые могут нам помочь. Но только не сразу, не сейчас! Надо подождать, точно! Иначе свяжут ее смерть с тобой, пойдут нехорошие слухи, и твоему отцу это не понравится. Не забывай, у тебя еще два брата, и папаша твой не отличается терпимостью. Может такой финт выкинуть — жалеть потом будешь! Для него главное — репутация, и дурные слухи совсем ни к чему. Эти старые пердуны слишком много думают о своей чести! О видимости чести! Лживые старые твари... Я вообще удивляюсь, как он отпустил тебя учиться в университете! Это же не для родовитых дворян! Ну ладно я — пятый сын, и мне ничего не светит, но ты-то? Ты старший сын!

— Дурак! Ты учишься, чтобы зарабатывать на жизнь! А я, чтобы получить власть! Знания, магия — это власть!

— Ну ты ведь тоже не просто так хочешь власти... власть — это и есть деньги. А значит, ты тоже собираешься зарабатывать, ведь так?

— Не умничай. И не сравнивай меня и себя. Ты из обнищавшего рода, и если бы не моя помощь... забыл, чем ваш род обязан моему отцу? Забыл, кто прикрыл вас после того, как вы вляпались в этот бунт? А тут — сколько я тебе дал денег, чтобы ты мог безбедно жить и не думать, чем заплатить за обучение? Забыл, что работаешь на меня?

— Ты разве дашь забыть? Только напомню — я не могу как следует работать на тебя, если ты не слушаешь моих советов. Повторюсь — советую отозвать жалобу из ректората и отомстить другим способом, поинтереснее.

— Я хочу растерзать ее! Хочу, чтобы она молила меня о жалости! Чтобы готова была сделать все, что угодно, ради моей милости! А кота... о-о-о-о... чтобы она сама отрезала ему голову! Чтобы отрубила лапы! Чтобы...

— Я понял тебя. — Голос был сухим, холодным. — Над этим нужно крепко поработать, и понадобится много денег. Если добыть ее крови...

— Ты хочешь нанять колдуна-чернокнижника? Навести на нее порчу? А если узнают? Меня же сожгут на костре! И папаша не спасет!

— Вначале нужно доказать, это во-первых. Во-вторых, а как узнают? Ты же сам не будешь обращаться к чернокнижнику. Это сделаю я. Но повторюсь — это будет стоить больших денег. Может, ограничиться парочкой-тройкой «случайных» разбойников? Разобьют ей башку, изнасилуют, вот и будет тебе отмщение.

— Как ты достанешь ее кровь?

— Во-первых, десять империалов. Полных империалов!

— Да ты с ума сошел! Это же двести полных серебряных марок! За эти деньги...

— Я же сказал — встанет дорого. Разбойники обойдутся всего по десять марок на рыло. Плюс десять посреднику. Итого — сорок марок. Так что решаем?

— Десять империалов! Хорошо же зарабатывают чернокнижники!

— Может, тебе следовало учиться другому искусству?

— Да я бы учился, чтобы тебя разорвало! Да не учат! Владел бы я черной магией...

— И закончил бы жизнь на костре. Так большинство из них и заканчивают. Потому их так мало, и стоят они так дорого. Кстати, я тоже рискую, потому — пять империалов мне. Итого — пятнадцать.

— Обнаглевший тип! Хватит с тебя и двух. Два, я сказал! И нечего делать такое скорбное лицо! Твой род...

— Моложе твоего в два раза, вся моя семья вам обязана, я нищий студент у тебя на

побегушках. Ничего не упустил? Когда деньги?

— Сейчас пять империалов, потом, когда все будет сделано...

— Нет. Никаких «потом», или делаем, или нет. Не хочу тебя обидеть, но после того, как ты не заплатил командиру патруля, в тот раз, когда покалечил паренька у трактира, мне пришлось отдать свои две марки. И ты мне так их и не вернул. Кстати сказать — хорошо, что напомнил, не соблаговолишь ли мне их отдать? Или запомнил, что я заплатил офицеру?

— Жалкий крохобор! И это после всего, что я для тебя сделал?!

— Да, после всего, что ты *со мной* сделал. Итак, тринадцать империалов. И тогда я начинаю работать.

— А откуда еще империал? Проценты набежали, что ли?

— Тринадцать, и я все устрою. Если придется заплатить за то, чтобы достать кровь девки, — это отдельно. Когда деньги?

— Вечером! Мне нужно сходить в банк, получить. Ты что думаешь, я такие деньги храню у себя в комнате? Там, где шастают всякие проходимцы?

— Я ничего пока не думаю. Ты мне еще не заплатил, потому думать не хочу.

— На закате ты все получишь. Сроки?

— Ну какие сроки... нужно, чтобы все подзабылось. Нужно еще и добыть ее кровь. Два месяца. Через два месяца!

— Если через месяц она будет ходить как ни в чем не бывало — ходить не будешь ты. И я заставлю вернуть все деньги, что тебе дал, до последнего медяка. Понял?

— Чего уж не понять...

— Иди. Вечером — жду! И вот еще что — кота этого поймай и принеси мне в клетке. А я его поджарю живьем и буду смотреть, как он верещит и подпрыгивает! Хе-хе-хе...

У меня дрожь прошла от носа до кончика хвоста! Вот же гад!

— Сделаем. Две марки — и мы узнаем, что это за кот, и организуем его поимку. Слуги за две марки весь университет с ног на голову поставят! Поймают твоего обидчика. Итак, откланиваюсь.

Дверь хлопнула, закрываясь, а я заметался по тоннелю, соображая, куда бежать. Я прекрасно запомнил запах человека, с которым разговаривал наш недруг, если бы встретил его, точно б не ошибся, но как его встретить? Где?! Методично обходить все комнаты? А если он живет не здесь, не в общежитии? И вообще — насколько реально то, что существует некая черная магия, которой можно воспользоваться, чтобы уничтожить человека? Может, это был развод на деньги? Вряд ли. Слишком уж серьезно они говорили о наказании за черную магию. Они на самом деле боялись, я это чувствовал наверняка. Все коты чувствуют настроение людей, а уж разумные коты должны ощущать его в разы острее!

Хотя... что вообще я знаю о том, что и как чувствуют кошки? И от кого я могу это узнать? Сами-то кошки ничего не расскажут!

Я помчался вдоль тоннеля и только лишь завернул за угол, как откуда-то из тени на меня выскочил черный кот — мой первый собеседник в этом мире.

— Стоять! — Голос кота прогремел в голове, как набат. — Остановись!

Я встал, затормозив всеми четырьмя лапами, и недовольно забил хвостом по бокам, как тигр.

— Чего надо?! Опять драться будешь?!

— А ты времени зря не теряешь, да? — с непонятной мне интонацией спросил черный кот, мягко подходя ко мне слева. — Нашел себе покровителя? Человека?

— И что? Тебе-то какое дело?! — резко спросил я, норовя обойти собеседника справа. — Ты же кот, который ходит сам по себе. Так вот иди отсюда! Ты мне не интересен! Каждый сам за себя!

— Каждый сам за себя, — повторил черный, и его глаза медленно моргнули, будто луны зашли за тучки. — Просто хотел предупредить, что если ты посмеешь открыть людям нашу тайну, тайну нашего существования — придется тебя убить. Люди не знают и не должны знать о нас! Это единственный закон, который соблюдают все. Расскажешь — погибнешь. Веди себя как обычная кошка и не смей никому из двуногих рассказывать о нас. Понял?

— А страусам можно? — кипя от ярости, спросил я с преувеличенной серьезностью. — Это чтобы знать. Он же тоже двуногий, наверное, ему все-таки нельзя? И вообще, всем птицам получается — нельзя!

— Я тебе все сказал! — холодно ответил черный и вдруг исчез, будто растворившись в тени тоннеля. Я понюхал воздух, потрогал лапой то место, где только что стоял кот, — никого и ничего не было. Забавно! Это что же получается, коты обладают магией? Могут исчезать? Интересно. А еще более интересно — КУДА исчезают коты? Вот сейчас он стоял — р-р-раз — и уже его нет! Как понять данный процесс?

Остаток дня я потратил на поиски незнакомца и, увы, совершенно безуспешно. Оставалось лишь дожидаться, когда тот снова придет к мажору в комнату — вечером, за деньгами.

Вернувшись к отверстию воздуховода комнаты негодяя, я улегся и, не обращая внимания на яростное желание съесть что-нибудь хотя бы отдаленно напоминающее мясо, приготовился к длительному ожиданию.

Тянулись минуты, и, как всегда бывает, когда чего-то ждешь, эти минуты растянулись в долгие часы. Хорошее быстро проходит, не успеешь и оглянуться, а вот что-то пакостное, тягостное и неприятное...

В голову лезли предательские мысли, например за каким чертом я так принял участие в судьбе этой девицы? Ну — миленькая, да, и что? Что я, миленьких девочек не видел? Как ни странно, большинство из них почему-то оказывались совершеннейшими дурами. Похоже на то, что природа, давшая красоту и совершенство тела, посчитала ненужным выдачу полноценного мозга, способного работать хотя бы на среднем уровне.

И действительно — зачем им развитой мозг, когда достаточно красивой мордашки и длинных ног? Грубо говоря — ну не мозг же ей будут трахать!

Хотя... всяко бывает. А может, они больше прикидывались? И на самом деле не так уж и глупы? Иногда эта мысль меня посещала. Ведь не секрет, что мы, мужчины, терпеть не можем слишком умных и при этом красивых баб! Нет, на картинке-то мы их любим, особенно в стиле ню, но в жизни... Кто согласится почувствовать себя глупее красотки на восьмисантиметровых шпильках, которая по определению должна быть записной дурой? Должна смеяться твоим глупым шуткам, заглядывать в рот, удивляться твоим познаниям обо всем на свете и при этом не обижаться, если ты нежно погладишь ее по длинному тутому бедру!

Роли расписаны с самого рождения: ты — мачо, настоящий жеребец, который знает все на свете и домогается красотки. Она — нежная, красивая дикая кобылка, ждущая своего мачо-укротителя. И когда шаблон ломается, наступает когнитивный диссонанс, мозг теряется, отвергает объект вожделения. Если не пьян, конечно. Но всегда ведь он не может быть пьян! Или может?

Мне всегда нравились девушки миниатюрные, худощавые, спортивного сложения, но при этом не гламурные. Умненькие, но в меру — чтобы были способны понять мои не слишком заковыристые, но и не совсем уж крестьянские высказывания, но при этом не подавляли меня своими знаниями и интеллектом. Чтобы было с ними о чем поговорить, чтобы девушка была не совсем уж шлюха, но и не совершеннейшая недотрога, рядом с которой боишься сказать что-нибудь грубое, солено-смешное.

Вот такой мне показалась Амалия — стройненькая, симпатичная (даже без макияжа она была в высшей степени мила и свежа). Неглупая, не стервозная, животных любит! Хм-м... котов!

И тут же спросил себя — как же я мог когда-то позариться на свою женушку, оперативно переместившую меня в кошачье тело посредством полета без парашюта? И не дал ответа — в очередной раз. Нет его и быть не может. Кроме одного — любовь зла, полюбишь и... хм-м... козлицу. Любил я ее, болван эдакий! Даже сейчас мысль о бывшей жене слегка будоражит мою кровь. А что говорить о той минуте, когда я ее встретил!

Хлопнула дверь, я постарался поближе прильнуть к проклятой решетке, которая не давала мне рассмотреть комнату. Отдушина располагалась в углу, а вход в комнату слева, и из отдушины не виден. Слышал шаги, чувствовал запах негодяя, но не более того. Похоже, он ходил за деньгами — явственно слышен звон пересчитываемых монет. Графенок, видать, бросал их на стол, бормоча под нос какие-то туманные угрозы, в состав которых входили некоторые сексуальные действия в адрес моей новой подружки. Эти действия отличались большой прихотливостью, и я слегка удивился — неужели в Средние века умели так искусно развлекаться в стиле садо-мазо? Вероятно, зря мы считаем наших предков такими уж тупыми в сексуальном плане!

И тут же скривился — вот я болван! Это же другой мир! Совсем другой! Не Земля! Тут может быть все что угодно! С какой стати я провожу параллели между земным Средневековьем и здешней жизнью?! Это же просто глупо!

Отзвенели монеты, глухо стукнул ящик шкафа или комода. Забулькала жидкость — выпивает? Заскрипела кровать, и снова тишина... почти тишина, если не считать тихого сопения.

И опять мысли — ну как, как я найду этого кадра? Посредника между злодейским киллером-колдуном и заказчиком? М-да... проблема, однако! Чукча не знает! Чукча тихо сидит в засаде и ждет зверя! А зверь где-то бродит... зверь все не идет!

Поднялся, подошел к решетке, понюхал — пахло железом, пылью и крысами. Решетка плотная, лапа не пролезает. Крысе не пролезть, точно. Котам — тоже.

Подивился — неужели на самом деле решил влезть в комнату, полную злодеев? Пока одного злодея, да, но скоро прибавится другой. Так что же, что делать?!

Аккуратно потрогал решетку лапой, толкнул. Решетка совершенно неожиданно дрогнула, поддалась! Я замер, тихо выдохнул, едва не мякнув. Решетка не закрыта! Почему? Забыли?

Снова потрогал, усилил нажим, действуя правой лапой. Решетка повернулась на петлях, я постарался открыть совсем, прижать ее к стене, каждый миг ожидая крика, шума, летящего снаряда в виде здоровенного башмака. Нет, все тихо, спокойно, сопение в комнате ровное, тон дыхания не изменился. Хорошо все-таки иметь кошачий слух! Но лучше бы человеческий, черт подери... вместе с телом.

Хозяин комнаты лежал на подобии дивана — роскошном, обитом чем-то вроде

серебристой парчи. Глаза его были закрыты, в уголке рта пузырилась слюна, и выглядело это все довольно противно. Может, потому, что я знал об этом парне то, что я знал, а может, просто потому, что никогда не любил красавчиков-мажоров.

Нет, я сам не был мажором! Ну да, потомственный москвич, да, родители, можно сказать, обеспеченные люди, но я никогда не был разнузданным наглым мажоришкой, сидящим на шее родителей! Я учился, работал, зарабатывал! Кварту купил отец? И что?! Никому отцы не помогали, что ли?! Будут у меня дети, и я им помогу! Если возможность будет. Хм-м... дети? Котята? Тьфу!

Размышлял я секунд десять, не решаясь действовать, потом мягко прыгнул в массивное кресло, сделав все, чтобы не создать много шума. Это удалось, мягкая подушка спружинила, а я тут же шмыгнул под столик у выхода и затаился там, задыхаясь от запаха ношенных башмаков.

Проклятый вонючка! Это же надо так запускать свои ноги! Он их никогда не моет, что ли? Или просто нюх у меня слишком чувствительный? М-да-а... Плохо же кошки нас воспринимают. Мы для них вонючки, да еще и сумасшедшие вонючки! Делаем СТРАННОЕ. Иногда — мерзкое. Попробуй, объясни кошке, зачем ее надо стричь? С точки зрения кошки, сие деяние отвратительное, глупое, жестокое и коварное — вместо угощения хозяин хватает доверившееся ему существо, зажимает и делает больно страшно жужжащей мерзкой штукой!

Вовремя спрятался. Буквально через несколько секунд после того, как я спрятался под столик, в дверь осторожно постучали — три раза, потом еще два, будто шифр. Может, это и был шифр, потому что хозяин комнаты тут же вскочил с подушек дивана и шагнул к двери, шлепая по каменному полу носками, вызвавшими у меня бурю чувств, главным из которых было отвращение. Ужасно хотелось высунуть лапу из-под ткани и цапнуть за пятку! Еле сдержался. Все-таки кошачье вылезает из глубин души, и если не контролировать себя...

— Ты готов? — Голос принадлежал совсем молодому человеку с буквально ангельским, чистым и ясным лицом — ну просто-таки иконописное лицо! Посмотришь на такого и подумаешь: *«Ну разве этот мальчик может сделать что-то плохое?! Да на него ведь наговаривают!»* Небольшого роста, худощавый, темноволосый, неброско одетый — прилежный студент, честный парень, разве он может искать киллера для невинной девушки, отказавшей ухажеру? Но это был именно он — посредник, советник, демон в человеческом обличье.

Демон?! Тьфу, как они загадили мозги со своей чертовой магией! Придет же в голову...

— Готов. — Голос был хриплым, то ли со сна, то ли от пьянки. От его хозяина за несколько шагов несло какой-то низкопробной сивухой. Что они тут пьют? Гадость какая-то! Нет бы наладить производство чего-то вроде шампанского или виски! Впрочем, перегар всегда отвратителен, что бы ты ни пил накануне.

— Я имел в виду деньги, — мягко пояснил пришелец. — Ты все сделал? Деньги принес? Я смотрю — ты пьян?

— Пьян я или нет — какое тебе дело? — грубо бросил хозяин комнаты. — Вон там, в ящике. Пересчитай.

Пришелец выдвинул ящик, достал кожаный мешочек, вытряхнул на стол желтые и белые кружочки. Быстро потолкал их пальцем, пересчитывая, и удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке. Ну что же, все так, как и договаривались. Я удаляюсь. Если что — ты знаешь, где меня найти.

— Знаю, знаю! — Парень прищурился и многозначительно кивнул головой. — Два

месяца тебе, и я хочу увидеть, как она умрет в муках! Два, повторяю, не три! И пусть чахнет, пусть умирает, как больное животное! Как жалкое, раздавленное колесами телеги животное! Как... как...

— Я понял тебя, — не очень вежливо перебил собеседник. — Зачем повторяться? Кстати, ты забрал назад свое заявление? Из ректората?

— Эти старые твари отказались его вернуть. Говорят, будем разбираться, обвинение в черной магии слишком серьезно.

— Вот почему ты не спросил меня, прежде чем подавать жалобу? Я бы тебе сразу сказал — такое возможно. Это параграф три уложения о Запретах. Ну да ладно. В принципе, ничего страшного в этом нет, невозможно доказать, что ты специально, злонамеренно обвинил девицу в черной магии. Ну показалось тебе, и что? Слишком уж странно вел себя этот кот. В общем, продумай, что будешь говорить. Когда суд?

— Завтра. В полдень. Вот что... может, ты подготовишь мне речь? Ну... для суда? Да, да — не смотри на меня так! Я тебе заплачу! Две марки! Три, демон тебя раздери!

— Я тебе давно хотел сказать... ты слишком разбрасываешься проклятиями. Кто-нибудь не очень сведущий может подумать, что ты используешь черную магию. А если тот, на кого ты бросил свое проклятие еще и умрет... или заболит... слухи разнесутся очень далеко, и это может не понравиться твоему отцу. Узнает еще император — что он скажет? «Почему твой сын занимается запретной магией?» Да? И что тогда будет? Подумай над этим. Нужно сдерживать свой язык, особенно если ты наследник богатого и древнего рода.

— Ты еще мне будешь указывать, как говорить?! За собой смотри! А я уж как-нибудь разберусь со своим языком! Иди и займись делами! Завтра утром жду доклад для суда! И по главному делу — смотри, не обмани меня! На краю света достану, не сомневайся! Никакая магия не спасет! Пошел отсюда!

Я почувствовал, как распахнулась дверь, осторожно выглянул из-под нависающей ткани, закрывающей столик, и... попался!

— Кот! Это кот! Это тот же кот, что был у девки!

Мажор возбужденно вопил, показывая на меня пальцем, но я стрелой бросился к двери, шмыгнул между ног его советника и выскочил в коридор. Вернее — вылетел. Каким-то чудом «мальчик-ангелок» успел пнуть меня в зад, и остаток пути до противоположной стены я пролетел по воздуху, врезавшись затем в нее с такой силой, что у меня помутилось сознание и хрустнули кости.

Я тут же вскочил, отпрыгнув в сторону, и это меня спасло — огненный шар, похожий на микроболид, врезался в пол в том месте, где я только что лежал. «Болид» оставил после себя обожженный черный овал, от которого ощутимо воняло паленой шерстью, и только через секунду я понял, что паленым воняло не от пола, а от меня — мой великолепный пушистый хвост потерял свое великолепие, лишившись части своих мягких полосатых шерстинок.

А дальше стало еще хуже — проклятый мажор-графенок еще трижды успел метнуть в мою сторону огненные шары, и если бы не кошачья ловкость и не человеческий разум — вряд ли я ушел бы оттуда живым. Я прыгал из стороны в сторону, как завзятый спецназовец, не давая как следует прицелиться, и скрылся за поворотом коридора прежде, чем тот догадался применить что-то парализующее, замораживающее (я услышал, как советник негодя спокойным голосом предложил наколдовать именно это).

Из дверей вдоль коридора начали показываться головы — парни и девушки изумленно смотрели, как по коридору несется кот, благоухающий паленой шерстью, а позади раздается

отборная ругань, явно относящаяся к этому самому несчастному коту.

Проскочив вдоль коридора, я выскочил во двор, сделал большой круг, шныряя между ног случайных прохожих, и, мгновенно просчитав ситуацию, укрылся под стоящей у стены конюшни телегой с уложенными на ней бревнами, видимо приготовленными для распиловки на дрова. Сквозь булыжник мостовой пророс куст какой-то пряной, удушающе пахнущей травы, и за ним можно было укрыться, дожидаясь, когда стемнеет.

Солнце уже практически скрылось за горизонтом, так что ждать темноты оставалось совсем недолго.

Вот только задача была не решена! Ради чего я влез в эту проклятую комнату и едва не лишился своей великолепной шубы? Чтобы проследить за советником мажора! И что сделано? Да ничего! Подслушать я мог и у решетки! В безопасности!

Я сидел под телегой и упивался самобичеванием, когда в нос вдруг ударила волна знакомого запаха — ОН! Он шел мимо! Советник! Куда шел?! Может, как раз туда, куда нужно?

Выждав несколько секунд, выглянул из-за куста и убедился — точно он!

И тогда я выскользнул из укрытия и пошел следом, стараясь держаться в вечерней тени.

Честно сказать, следить за человеком очень просто. Если, конечно, ты имеешь четыре лапы и умеешь ходить бесшумно. Тащись себе вдоль стен, да не забывай использовать укрытия вроде придорожных кустов и камней. Откуда тут столько здоровенных камней? Типа — скамейки, что ли? Наверное, вон как отполированы задами! Аж блестят!

Только на мосту через речку пришлось слегка попотеть — место открытое, а все еще не совсем стемнело. Того и гляди зыркнет назад и меня засечет. И что тогда делать? Не в воду же прыгать! Жажнет файерболом, и писец котенку — больше срать не будет!

Кстати сказать — разве так разрешено, палить файерболлами прямо посреди студенческого общежития?! Этот паренек совсем охренел! Как на Земле говорят: «Рамсы попутал!» Не знаю, что такое эти самые рамсы, но то, что он их попутал, — это без всякого сомнения.

Интересно, как отреагирует на такие вот выступления университетская администрация? Впрочем, деньги все решают. Папаша отстегнет кругленькую сумму на универ, и заткнутся ученые мужи, будто ничего и не было. Что, разве не так? Всегда так было, и есть, и будет! Или я не знаю нашу ученую братию! Обоснуют как-нибудь философски — мол, для того, чтобы сделать большое добро, нужно закрыть глаза на маленькое зло... и все пойдет по накатанной.

Кесарю — кесарево, а слесарю... ну понятно. Нет, не поллитру. Иначе прокладку в кран забудет поставить.

Идти пришлось довольно долго, не менее часа. Когда цель прогулки была достигнута, на улице уже воцарилась крошечная тьма. Как в этой темноте парень находил дорогу, как вообще он не разбил себе голову, свалившись в придорожную канаву, — уму непостижимо. Но только он все шел и шел, уверенно, не спотыкаясь, — ощущение такое, что видел в темноте не хуже меня, и это очень беспокоило — не дай бог заметит, не отделаюсь опаленным хвостом! Это мажорчик — болван, бесполезно разбрасывает свои файерболы и проклятия, этот же парень слов и заклятий на ветер не бросает — так жажнет, куда только хвост и грива полетят! Нет, так-то я не против новой реинкарнации, но где гарантия, что в новой личности сохранится моя душа, хоть и непутевая, но вполне так приятная и очень даже мной ценимая? Не хочется начинать все сначала, да и посмотреть охота, чем тут все завершится! Зря, что ли, начинал эту беготню? Вообще-то я парень последовательный, и даже нудный — никогда не бросаю начатое, даже если вижу, что заводит оно меня, мягко говоря, не туда.

Дом как дом — крыльцо, высокая мощная дверь, окованная медными полосами, позеленевшими от времени. В центре двери голова какого-то чудовища — оскаленная, клыкастая, вызывающая уважение к умелым рукам мастера, отлившего эдакую гадость, — иная беременная женщина родит прежде времени, увидев в потемках эту помесь носорога и пираньи!

[Купить полную версию книги](#)